Записки педагога: Осовободите слона!

Лена (Елена) Макарова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книжка не только о том, «как любить детей» (цитирую название одной из книг Януша Корчака). Она еще об обучении лепке. Но как ни странно, в ней нет почти никаких практических советов. Ни изложения конкретной методики обучения, ни системы последовательно усложняющихся заданий...

•

Елена Макарова
ЗАПИСКИ ПЕДАГОГА
Москва, «Искусство в школе», 1996
«ОСВОБОДИТЕ СЛОНА»
ПРЕДИСЛОВИЕ

Елена Макарова — писатель (автор двух сборников повестей и рассказов), скульптор, художник (свои литературные произведения она иллюстрирует сама), замечательный педагог. Все это вы почувствуете по первым же страницам этой книжки. Разностороннее дарование — не так ли? По-моему, нет. Мне кажется, что это лишь разные проявления одного — главного дара. Елена Макарова — человек, удивительно ярко помнящий свое детство. Когда читаешь ее автобиографические произведения, понимаешь, что каждое событие, относящееся к четырех-пятилетнему возрасту, она переживает, как случившееся вчера.

Как нам порой не хватает этой живой памяти о собственном детстве! Как трудно бывает понять своего ребенка, прочитать, что скрывается за его молчанием или капризами. Главная цель этой книжки — достучаться до взрослых, спрятавшихся за своими взрослыми делами, представлениями и предрассудками. Ребенок не в состоянии пробиться через этот барьер. По счастью, находятся взрослые, которые по праву становятся полномочными представителями детей. Такими людьми были Корчак, Сухомлинский. Они учили нас — родителей — любить детей. Эту эстафету в числе лучших педагогов приняла Елена Макарова.

Эта книжка не только о том, «как любить детей» (цитирую название одной из книг Януша Корчака). Она еще об обучении лепке. Но как ни странно, в ней нет

почти никаких практических советов. Ни изложения конкретной методики обучения, ни системы последовательно усложняющихся заданий. Наверное, многие родители будут разочарованы. Где же рекомендации по эстетическому развитию ребенка? Где рецепты формирования художественных способностей?

Дорогие родители, не спешите. Прочтите книжку еще раз — может быть, вы заметите то, что пропустили при первом чтении, спеша добраться до «главного»: точных и четких указаний по организации занятий с ребенком. Главное не это. Главное — позиция педагога, способ общения с ребенком, общий подход к предмету (в данном случае — лепке). Без этого любая методика мертва, бездушна. В лучшем случае она поможет обучить ребенка техническим навыкам, но способствовать художественному развитию, формированию способностей, безусловно, не будет.

Так постарайтесь почерпнуть из книжки то, что в ней есть, а не искать то, чего нет. Кстати, некоторые методические приемы — и чрезвычайно интересные — Елена Макарова описала. Но вот беда: среди них нет и не может быть приемов универсальных, пригодных для каждого ребенка. Поэтому и приводятся они только в качестве примеров: смотрите, как изобретается методика для Тани, для Вовы, для Маши. Если вы поняли — нет, правильнее сказать, прочувствовали — педагогическую (и просто человеческую) позицию, изложенную в книжке, вы сами сможете изобрести методику для своей дочки или своего сына. Наверняка она окажется для вашего ребенка полезнее, чем самая совершенная методика, рассчитанная на «ребенка вообще». В этой книге много психологических наблюдений и обобщений. Я не рискнул бы назвать их научными в строгом смысле слова. Скорее, это те «донаучные» обобщения, которые служат необходимым трамплином для собственно научного исследования. Их основа — пристальный интерес к людям, «вчувствование», интуитивное понимание ребенка, присущие всем хорошим педагогам.

Для самой Елены Макаровой психологические наблюдения служат материалом, из которого рождаются педагогические выводы. Но не будут ли ложными выводы, основанные на «донаучном» материале? В принципе такая опасность существует, но, на мой взгляд, Макаровой она не грозит. Ее педагогика по самой своей

сути экспериментальна. Любое предположение, не подтверждающееся на практике, отвергается. А если оно «работает», то разве так уж важна теоретическая обоснованность исходных посылок?

К сожалению, такой подход встречается нечасто. Я уж не говорю о профессиональных педагогах, но даже родители порой годами пытаются воплотить в жизнь свои воспитательные идеи, не замечая того, что развитие ребенка не укладывается в эти идеи, уродуется в их прокрустовом ложе.

И последнее, что мне хочется отметить в этой книге,— подход автора к проблеме профессиональной подготовки «художника (в самом широком смысле слова). Макарова точно отметила самое острое противоречие, характерное для современного обучения в этой сфере: мы хотим воспитать творца, а учим его воспроизводить шаблоны — пусть даже великие. Хотим, чтобы он выражал свое неповторимое отношение к миру, а учим повторять чужое.

Но ведь обучение невозможно без образцов, без передачи человеку того, что накоплено человеческой культурой за многие столетия. Как же быть? Автор отвечает: давать ребенку только те выразительные средства, потребность в которых уже созрела в ходе предшествующего развития, отвечать на запрос, исходящий от самого ребенка. Не утопия ли это? Не знаю. Но если и утопия, она указывает верное направление поиска.

В этом маленьком предисловии я не пытался дать путеводитель по книге, которую вы сейчас прочтете. Я хотел лишь обратить ваше внимание на серьезность поставленных в ней проблем. Надеюсь, что за непритязательными историями об отдельных детях и родителях вы разглядите глубокие и эмоционально насыщенные размышления Елены Макаровой о детях, об искусстве, о Человеке.

Венгер Л.А.,
доктор психологических наук

Не передавайте человеку знание, но старайтесь чтобы он получил способность сам доходить до него,— вот крайний предел педагогики во всех степенях учения…
В. Ф. Одоевский

— У меня есть одна штука, почему я до ста лет доживу: я очень играть люблю.

Федя М., 4 года

ИГРА ВСЕРЬЕЗ

— Что у меня в руках? Пластилин? Согласна. Это действительно пластилин. Но необычный, с секретом. В нем спрятан слон. Настоящий. Вот, кажется, его уши. А вот я нашла хобот. И ноги появляются. Какой ленивый слон! Еле освободил свои задние ноги. Ну, наконец-то! Поздоровайся-ка с ребятами. (Слон склоняет пластилиновое ухо.) Что-то он грустный. Хорошо бы ему заиметь друга. Иди-ка, слон, проверь у ребят в коробках, не спрятался ли там кто-нибудь. Вот оно что! Оказывается, у каждого в коробке, в заколдованном брикете лежит слон.

Дети прикладывают пластилин к уху и слышат стон замурованного слона. Вслед за мной они неверными, слабыми пальчиками вытягивают хобот. Он открывается, и я предупреждаю, что желательно все-таки обращаться со слоном осторожно, не причинять ему боли.

В четыре года ребенок способен вовлечься в любую игру и переживать ее подчас глубже и серьезней, чем реальную жизнь. Для детей, которые еще и шарика толком не умеют скатать, вылепить слона дело нелегкое. Из-под их пальчиков выползают диковинные звери, имеющие со слоном далековатое сходство. Но дети уверены, что это слон. Они показывают друг другу свое сокровище и радуются: «Слон появился!»

Но что скажут папы и мамы?

— Может, это кошка? — робко интересуется мама восторженного мальчика.

— Да нет же, это слон. Я его нашел.

— А…— тянет мама и, оборачиваясь ко мне, шепчет: — У него одни фантазии. Нарисует какую-то загогулину, а наплетет про нее вагон,— говорит она, превращая на глазах сына «слона» в лепешку.

— Что ты сделала! — кричит мальчик.— Зачем ты смяла?!

— Он лег спать,— утешаю я мальчика.— Придешь домой, откроешь коробку и поможешь слону проснуться.

— Слоны сплющиваются, когда спят? — с надеждой спрашивает мальчик.

КАЖДЫЙ – ЛИЧНОСТЬ

Каждый из детей — личность; одна выявленная, другая затаенная, «замороченная» взрослыми. Душа ребенка, открытая нам — вот оно, поле деятельности. Выявляй, рассекречивай, помогай детям справиться с внутренними конфликтами. Мы воспитываем через искусство, а не учим детей ремеслу лепки,

живописи, пения. Этому они научатся в самом процессе занятий.

Кроме того, воспитание через искусство — это и знакомство детей с шедеврами мировой культуры, дело сокровенное и ответственное. Кто знает, что произойдет в детской душе при виде Венеры Боттичелли, спроецированной в темноте на белый экран?

Помню, как я, десятилетней девочкой, сидела в подушках на кровати после тяжелой болезни, и мамин знакомый, видя, что я томлюсь от безделья, сбегал к себе домой и принес мне книги с «картинками». У нас дома таких не было, да и в чужих домах не доводилось мне видеть блестящий глянец суперов, трогать гладкие страницы, приподымать завесу папиросной бумаги с просвечивающих сквозь нее ярких красок. Знакомый, которого я запомнила и полюбила на всю жизнь, хотя он был эпизодическим лицом в жизни моих родителей, принес мне тогда Модильяни, Ван Гога, Гойю и Мунка. Я часами разглядывала поводок, на котором кудрявая гойевская дама держала болонку, прозрачные складки черного платья дамы с мопсом, рассыпающиеся, как стеклышки в детском калейдоскопе, лучи вангоговского солнца. Это было чудом. И я втайне надеюсь, что многим детям западут в душу те картины и скульптуры, с которыми я их впервые познакомила.

Мы призваны закреплять в детях основные чувства: любовь, красоту, единство с миром, и особо чуткими следует нам быть именно с теми детьми, у которых эти чувства затемнены, замутнены.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ

Моя тема — непонимание. Непонимание ребенком самого себя и окружающего мира, непонимание ребенком родителей и родителями ребенка.

Непонимание как подводный камень, невидимый глазу, но мешающий течению — естественному течению жизни ребенка.

Смысл моей работы, помимо самого занятия с детьми лепкой, — увидеть и рассмотреть этот «камень». Мало почувствовать, что он лежит под водой и мешает, надо еще и помочь справиться с ним. Убрать его, как правило, не удается, но сместить с главного течения можно. Или, на худой конец, обозначить: «Внимание! Здесь такой-то и такой-то камень!»

Взрослые кое-что помнят о детстве: факты, события, но чувства, испытанные ими в то давнее время, мало кто способен воспроизвести в памяти. Если же считать, что память о пережитых в детстве чувствах жива, то тогда взрослые выглядят и вовсе нелепо. Иногда они так же глухи к своим детям, как, быть может, их близкие в свое время были глухи к ним. Помнят ли они, как

сами страдали от непонимания и отторженности?

Ребенок спешит, глотает слова, сочиняя сказку про жирафа, который жевал деньги, и перерабатывались они у него в животе на билеты в зоопарк. Этими билетами жираф, по ходу рассказа превратившийся почему-то в осла, заплевал весь асфальт в Лялином переулке.

Стремительно развивается сюжет, а мама торопит: «Ну и что? Чем там кончилось-то?» А ребенку при спонтанном фантазировании важно не то, к чему он ведет, не результат, а сам процесс фантазирования. Многие дети-заики, которые посещали нашу студию, заикались, по моим наблюдениям, оттого, что взрослые не умели их слушать. Это были дети с неуемной фантазией. В детстве потребность высказаться так сильна в них, что они не замечают своего дефекта. С возрастом они замыкаются, смирившись с непониманием, но в детстве они еще взывают к нашему терпеливому вниманию.

Предвижу, что кто-то из родителей, прочитав мои записки, испытает недовольство: «Мы так любим своего ребенка, столько для него делаем, и нас же и обвиняют…» Сознательно иду на этот риск, памятуя о том, что за мной — дети, к которым я пристрастна.

Далеко не все конфликтные ситуации, встреченные за годы работы с детьми, ясны мне самой. Невозможно расчислить тонкую и таинственную душу ребенка. Что его тревожит? Что связывает его свободу, творчество, фантазию? Но еще более загадочна природа детских озарений. Еще вчера, ложась спать, ребенок бессмысленно водил глазами по разноцветным буквам магнитной азбуки; а сегодня с утра самостоятельно составил слово. Что же произошло за короткий срок?

Или тайна встречи… Когда, при каких условиях ребенок впервые встретился с тем, чему суждено будет занять главное место в его жизни? Что ощутил он в тот момент?

ОТКРЫТИЕ

Полутемная комната. Над огромным столом — оранжевый китайский абажур с шелковыми кистями. За окном бушует ветер. А здесь тепло, от белой кафельной печи струятся волны теплого воздуха. Но что самое интересное — на столе лежат комки коричневого шоколада. Я украдкой облизываю тот, что ближе ко мне. Безвкусный.

— Это пластилин,— объясняет воспитательница.— Сегодня мы будем лепить.

Как это — лепить? Смотрю на ребят — они отщипывают от больших кусков малюсенькие, возят ладонями по столу, и из-под краев ладоней выползают тонкие змеи.

Пробую. И у меня так делается.

— У меня получилась колбаса! — кричу так, что воспитательница возникает откуда-то из-за занавески.

— Молодец! — хвалит она меня.

— Ну и что,— пожимает плечами соседка по столу,— у нас у всех колбаса.

— А у меня не колбаса, а змея! — Я ногтем разрезаю змее рот.— И язык у нее.— Щипок — и язык готов.

— Это жало, а не язык.

Мне все равно, жало или язык. То, что лежит у меня на ладони, настоящая змея. Как это вышло?

И начался запой. Я слепливала все со всем: камень с ватой — получалась голова с волосами или с бородой, как посмотреть; палки с шариками — получались цветы, бутоны; пузырьки из-под духов с пластилиновыми кругами — получался человек без рук, без ног…

— Ее кто-нибудь учил? — интересовались гости, разглядывая мои работы, заполонившие комнату.

— Нет, это все она сама,— отвечали гордые родители.

Наверное, в тот момент я светилась, как фосфорные бусы во тьме.

И еще одна история.

На соседней с нами улице, в Баку, располагался исторический музей. Впервые мы пошли туда с тетей Марой, попросту Маркой. Мне было пять лет, а тете — десять.

В больших просторных залах было холодно, пустынно и неинтересно: стенды вдоль стен, на них фотографии раскопок в Старом Городе. Зачем это? Хочешь посмотреть на раскопки, отправляйся в Старый Город.

— Не канючь,— сказала Марка,— сама за мной увязалась.

Стоило Марке прикрикнуть на меня, и я тотчас наткнулась на волшебную вещь.

За стеклом, в нише, сидели два маленьких сапожника (в Баку они назывались «башмачники») и вбивали маленьким молоточком микроскопические гвозди в подошвы чувяков.

Я стояла как вкопанная, не в силах глаз оторвать от этих старичков в каракулевых папахах, с настоящими усами, в настоящей одежде. Стояла и ждала, когда же они наконец вобьют гвозди, но они замерли.

— Как это сделано? — спросила я Марку шепотом. Она предупредила, что разговаривать в музее можно только шепотом.

— Почем я знаю,— громко отозвалась Марка, и эхо повторило: «Почем я знаю?»

— А это как сделано?

Наш бульвар, где мы гуляем с воспитательницей, настоящий, с фонарями у центрального входа, похожими на ветки кипарисов с шишками на верхушке, аллея фонтанов вдоль моря, фуникулер, море и много-много крошечных огоньков. Они все горели, освещая вечерний город за стеклом.

— Это макет,— объяснила Марка.

Макет — незнакомое слово. Оказывается, бульвар, если его сильно-сильно уменьшить, будет называться словом «макет».

— А башмачники тоже макет?

— Не действуй мне на нервы,— отрезала Марка. Она с равнодушным видом переходила из зала в зал.

Но когда мы добрались до маленьких женщин, ткущих ковры из бисера, Марка дрогнула.

— Стащить бы этот бисер на шапки для Вали и Гали!

Валя и Галя — целлулоидные куклы, громилы по сравнению с малютками-женщинами в пестрых национальных костюмах. Мы играли в куклы с Марой, несмотря на солидную разницу в возрасте. Маркино предложение меня поразило — как можно отсюда что-либо стащить? Пальцем-то прикоснуться страшно.

…Почему-то больше я ни разу не была в этом музее. Но видение не давало мне покоя. Я мечтала сделать макет.

В это время в Баку открылось кафе-автомат для матери и ребенка. Мы пошли туда всей семьей.

На стене, при входе, были выпуклые стеклянные ниши с горизонтальными перегородками. На них стояли тарелки с едой. Опускаешь монеты в автомат, щелк, один ярус опускается вниз, и перед тобой тарелка с кашей. Это меня потрясло.

Дома я принялась сооружать кафе. Столы, стулья, посетителей в разных позах лепила долго, дня три. Лепила, а сама думала: как же сделать автоматы? Столы, стулья, люди были настолько маленькими, что автоматы должны были бы быть размером в мой тогдашний мизинец. Какая это скрупулезная работа!

И когда наконец кафе было готово, я увидела, на что это похоже,— на макет! Вожделенный макет.

Сходство же было, как я сейчас понимаю, не в том, что все маленькое, а в остановленности движения: кто-то поднес ложку ко рту и замер так, кто-то отодвинул стул, чтобы сесть, да так и застыл на месте…

Годы самостоятельного освоения мира через скульптуру были самыми счастливыми в моей жизни.

Они кончились с началом профессионального обучения. В восьмом классе я попала в художественную школу. Первым уроком была скульптура. Лепили череп. Надо было сделать такой,

как стоял на станке в центре класса. И не перелепливать, а прочувствовать форму и передать ее конструктивно.

Ничего этого я не понимала. Да и череп был настолько противный, мысль о том, что в каждом из нас, под кожей, «холится эта костлявая штуковина, отравляла всякое желание лепить.

Как я мечтала учиться! А тут — череп. Делать нечего — надо набирать глину. Едва сколотила форму – чья-то рука отпихивает меня от станка.

— Не так делаешь, отойди, покажу.

Чужие руки быстро переделали все, что я слепила. Чужие уста произнесли тираду о том, что лепить надо не по поверхности, а конструктивно.

Я принялась лепить конструктивно, но тут меня снова оттолкнули.

— Ближе к натуре, не выдумывай из головы. Это на композиции сочиняй что хочешь, а здесь надо делать копию.

На композиции посочинять не удалось. Оказывается, главное в скульптуре — цельность, не должно быть ни одной неоправданной дыры. Компонуйте фигуры так, чтобы они не смотрелись разобщенно, избегайте композиции из большого числа фигур. Цельней, цельней, цельней, обобщенней, обобщенней, обобщенней!

А моим идеалом были музейные макеты, где все было как настоящее, только уменьшенное, как мир, когда на него смотришь через перевернутый бинокль.

— Научишься делать правильно, потом делай как хочешь. Самое опасное — манера, с манерой надо бороться.

Два года борьбы с манерой принесли желаемый успех. Обнаженная фигура, раздраконенная на объемы, крепко стояла на ногах. Невыразительно, но верно. Скоро-скоро, через каких-нибудь пять лет, после окончания академии, я начну делать свое.

До сих пор не начала. Верно, потеряла свое по дороге или его не было, ничего не было, кроме химеры-манеры? Работа с детьми постепенно возрождает во мне то «свое», что уже казалось полностью утраченным. И это не возвращение к пройденному этапу, а осознанное движение в глубь себя, к истокам.

Родители не отдавали меня в художественную школу. В нее я поступила по собственному желанию. Они относились к моему творчеству, как естественному и единственному возможному способу проживания жизни. Многое из того, что я делала, им нравилось, и они радовались за меня, что-то не нравилось, и они как-то очень деликатно умели сказать об этом. Они мне не мешали.

Только с возрастом я поняла, какое это искусство — уметь не мешать. Не навязывать ребенку своих взглядов, не считать свои представления единственно правильными.

Мы видим — ребенок поступает не так, как бы нам хотелось, и мы его одергиваем. Почему бы не дать ему время самому додуматься до того, что он поступил неверно? И если уж на наш взгляд поступок очень плохой, не поговорить с ним тогда, когда наступит время? Подловить такой момент, когда он способен внимать (а эти моменты душевной открытости, восприимчивости бывают не всегда. У детей, как и у взрослых, случаются «затмения», и они длятся не часами, а днями), и тогда беседа получится значительной.

Верить ребенку, относиться к нему с «понимающей» любовью, не забывая ни на минуту о том, что еще недавно ты сам был маленьким,— вот к чему нам следует стремиться.

МАМА-ЭНТУЗИАСТ

— Девочка, как тебя зовут?

— Вадим.

Вадим? Я посмотрела по журнальному списку. Верно, есть такой Вадим Н. Мальчик с косой ниже лопаток. И не сказал ведь, «я не девочка», назвал имя, уставился на меня черными, полными ненависти глазами.

— Принесу бомбу, всех вас взорву.

Казалось, мальчик смотрел на нас, как на экран, на котором взрывается бомба, крошатся стены школы на мелкие кусочки…

И тут послышался тихий плач. Заплакала девочка, которой Вадим попал в глаз пластилиновым шариком.

Я рассердилась и выставила Вадима за дверь. Обидно — первое занятие, дети и без того напряжены. Это было моей ошибкой. Мать Вадима высекла его в фойе на глазах у всех родителей и волоком притащила к двери класса.

— Извиняйся, бессовестный, извиняйся! — кричала она и смотрела на меня молящими глазами: мол, что делать, хоть и трудный ребенок, но надо же как-то нам вместе его перевоспитать…

Монолог мамы Вадима:

— Муж сначала был против ребенка, а когда отступать стало некуда, потребовал девочку. Да что вас волнует эта коса! Ребенок-то сам какой! Не справляюсь я с ним. Бросила работу. Теперь работаю на дому. Куда ж такого ребенка? За ним глаз да глаз. И все наперекор, упрямство такое, что… Муж говорит: «Сдай его на пятидневку. Станет как шелковый». Он с Вадимом не разговаривает. Иногда Вадим десять раз повторит вопрос, а он закроется газетой, как не слышит. Вот вроде и живем хорошо,

машина есть. Правда, муж возить нас в школу наотрез отказался. А пока с «Динамо» доедешь с ним, нервы ни к черту…

Все-таки папа оказался не железный. За три года, что Вадим ходил в студию, один раз да все-таки не удержался — приехал на своих «Жигулях». Рослый, представительный, с поджатыми губами, он скептически осматривал наше фойе с банкетками для родителей, выставленными вдоль батарей, на самих родителей-дураков, часами просиживающих на этих банкетках в ожидании детей.

Вадим, как всегда, скандалил. На этот раз поводом было то, что вместо той девочки, которую Вадим выбрал, мама пригласила в гости другую.

— Кричи, кричи, после ужина получишь,— процедил отец. Поразило это «после ужина». Наказание с отсрочкой. Садизм какой-то.

Дать ребенку понять, что ты не одобряешь его поступка, можно другим способом. Но даже если мы сорвались и накричали, дети великодушно прощают нам такие срывы. Больше того, в душе они нас жалеют. Угрозы ожесточают детей. Они порождают в детях одновременно и страх перед взрослой силой, и ненависть к ней.

Мама Вадима — энтузиаст. Собирает гербарии, клеит картинки в альбом, достает колонковые кисти, собирает шишки и желуди. Вадим ее крест на всю жизнь.

А он себе растет. У него уже выпадают зубы, он смешно шепелявит. В противовес угрюмой маме он иногда улыбается.

А мама как не понимала смысла наших занятий, так и не понимает. Как прежде, так и теперь, входя в класс и глядя на работу сына, спрашивает:

— Что это у тебя?

Вадим отвечает. Она смотрит на меня многозначительно: мол, ладно, пусть не получается, зато не балуется, не выбегает из класса. А у него как раз получается. Просто все четвероногие, которых мы лепим, похожи у него на волка. За кого бы ни взялся, хоть за козу рогатую, а получается волк. Волк — это сигнал, который Вадим посылает во взрослый мир. Но взрослые глухи к этому сигналу. Их тревожит отсутствие сходства между реальной козой и вылепленной.

ЛЮБОВЬ СЛЕПА

Нет сомнений в том, что все родители, за редким и уродливым исключением, любят своих детей. Более того, те родители, которые возят детей к нам в студию, зачастую издалека, в переполненном транспорте, тратя время и деньги, их не просто любят, а любят деятельно, активно. Само по себе это

прекрасно. Ну а что если при всей деятельности и активности любящий не понимает и не чувствует объекта своей любви? А объект, к сожалению, не может выразить себя понятным для любящего языком? Тогда любовь слепа, что чревато неприятными последствиями и для любящих, и для любимых.

Некоторые энергичные и деятельные родители, дедушки и бабушки возят детей в студию вопреки всему: вопреки внутренней природе данного ребенка, вопреки его физиологии (есть, например, «моторные» дети, о которых речь будет ниже), вопреки усталости и перенасыщенности впечатлениями от транспорта, от посещения в тот же день детского сада, гостей, телевизора и так далее. В чем здесь дело — трудно сказать. То ли они заворожены тезисом о гармоничном развитии, то ли переполнены любовью к детям или жалости к самим себе («Мы такого не имели, так пусть хоть они…»), то ли мода, то ли соседка посоветовала, то ли просто на фигурное катание не берут…

Пока дети занимаются, они сидят в фойе, в коридорчиках на банкетках. Кто дремлет, кто вяжет, некоторые читают, а есть такие, что и пишут что-то, положив лист на колени. Невозможно смотреть без умиления на этих подвижников. Они уверены, что наши занятия с детьми продуктивней и квалифицированней их собственных. К тому же ребенок приучается к коллективу. Для многих их собственный ребенок с момента сдачи его в студию как бы поделен на пять частей: математическая логика, английский, музыкальные занятия, живопись, лепка. Они вычисляют, выпытывают у нас и у детей, какой предмет их интересует больше всего и есть ли способности, а если есть, то как выражены — ярко или не ярко. Я очень хорошо понимаю этих родителей. Если их глазами, с их уровня зрения смотреть на мир, то чем скорее выяснишь пристрастие ребенка к какой-то одной области, тем раньше начнешь действовать в данном направлении и тем вернее облегчишь жизнь себе и ему.

На первый взгляд все великолепно: и практично, и время не идет впустую. Но тут опасность: не получится ли так, что, поднимая уровень самовыражения ребенка, наши занятия одновременно снизят уровень его взаимопонимания с родителями?

САМОЕ-САМОЕ

Во время занятий Валины родители поглядывают в окошко, не балуется ли Валя, выполняет ли задание или все сидит, сложа руки.

А он сидит. Толстый, краснощекий бутуз. Поглядишь на его вишневый рот, на его пухлые пальцы с младенческими

перевязочками — душа радуется. Ему так интересно все, что происходит вокруг, что интерес, любопытство перевешивают деятельность. Валя сидит, подперев щеку кулачком, милый ребенок, о котором некоторые преподаватели думают как об умственно отсталом: плохо говорит, глотает окончания слов, целые слоги и «не участвует в учебном процессе».

Родителям Вали за сорок. Высокие, грузные и очень ответственные. В отличие от других родителей они невероятно нетерпеливы.

— Опять ничего не сделал! — восклицает мама Вали. Она закрывает непочатую коробку пластилина и обращается к Вале: — Почему ты сидишь, почему ты ленишься работать, как все дети? Ответь, почему ты ничего не сделал?

— Не сделал,— разводит Валя руками,— для чего делать?

Валя — мыслитель, философ. Это далеко не первый ребенок такого склада, который мне встречался. Но только родители тех детей были ненастойчивыми, не относились к нашим занятиям столь серьезно. То, что Валя бездействует, само по себе ни о чем говорит. Он не может понять, каков смысл, конечная идея всей этой нашей деятельности. Но поймет — и без всякого принуждения станет заниматься вместе с детьми.

Все это я пыталась как-то объяснить родителям. Родители без особой веры в мои слова печально качали головами.

— Если бы это он только у вас ничего не делал! Он на всех предметах так! На него все жалуются. Мешает.

Мне Валя не мешал. Но некоторые преподаватели действительно думали по-другому. «Мы должны отбирать результативных детей — объясняла одна.— Это в общеобразовательной школе хочешь не хочешь — учи, а у нас есть полное право отбирать. Валя нам не нужен».

Вопрос, на мой взгляд, поставлен неверно. Вернее было бы поставить его противоположным образом: нужны ли мы Вале?

— Он так рвется в студию,— говорили родители, но я не знала, верить им или нет. По Вале, во всяком случае, этого не ощущалось.

Вскоре Валя заболел.

Придя в школу после долгого перерыва, Валя с разбегу бросился ко мне через все фойе, обнял меня за колени и, задрав голову, проговорил: «Я вас так люблю… Я вас так люблю…» И как припустился от меня с победным возгласом: «Я ее обнял! Я ее обнял!»

После пылкого признания Валя принялся за дело. Он начал лепить. И совсем неинтересно. Аморфная форма, бестолково слепленные кусочки пластилина. Но какова же была радость

родителей! На каждый урок они приносили коробочку для готовых поделок, аккуратно складывали в нее колобков и уток, сообщали, что скоро устроят выставку Валиных работ дома. Они, как пчелы, собирали урожай и не могли надивиться на чудо.

Вскоре произошел первый конфликт. Валя вылепил чудо-дерево и отнесся к лепке со свойственной остальным детям непосредственностью.

— Хорошее дерево, — похвалил Валю папа.— А это листики?

— Это лепешки, — возразил Валя.

— Разве на дереве растут лепешки?

— Это чудо-дерево,— объяснил Валя.

— Мудришь ты что-то,— обиделся Валин папа на сына. Но когда увидел, что у всех детей чудо-деревья — у кого газетное, у кого — улиточное, а у одного мальчика даже дерево инквизиции — с черными крестами, то с некоторой опаской посмотрел на меня и увел Валю из класса.

А уж когда Валя после долгого пыхтения нарисовал фломастерами «самое-самое-пресамое» и получилась у него первая свободная композиция, которую он и назвать-то не мог, а только спрашивал у меня: «Красиво? А теперь еще красивей?» — папа с полным недоверием и осуждением поглядел на меня.

— Что это за белиберда? — спросил он.

— Корона,— выпалил Валя. Ребенок понял, чего от него хотят: ясности.

— Корона! — хмыкнул папа, глядя на разноцветные пятна, соединенные волнистыми линиями.— Это что ль, из сказки?

— Из сказки,— повторил Валя и снова тихо спросил меня.— Красиво? Самое-самое?

— Самое-самое,— подтвердила я, понимая, что в глазах Валиного папы я и так полностью пала.

Дело в том, что цель у Валиного папы взрослая. А у ребенка цель своя. Это, кратко говоря, не целесообразность, а красота, через красоту же — связь с миром. Воля, собранность впрямую связаны с этой целью и с тем, насколько увлечен ребенок процессом достижения этой цели.

Валя как смог, соответственно своим возможностям, иначе говоря, адекватно себе передал «самое-самое-пресамое красивое». Красоту, про которую недаром говорится: «Ни в сказке сказать, ни пером описать».

И если мы, взрослые, прежде не научились воспринимать такую неописуемую словами красоту, то дети щедро предоставляют нам эту возможность. Для этого надо посмотреть на жизнь детским взглядом. Увидеть все снова, но как бы впервые. И такое непредвзятое зрение заново откроет нам мир.

КОМПЛЕКС «ДЕЯТЕЛЯ»

Кажется, как просто и радостно довериться собственному ребенку. Но мы же взрослые, мы столько знаем, у нас большой жизненный опыт. Мы — деятели, мы привыкли управлять.

К сожалению, комплекс «деятеля» — наиболее распространенный в современном мире. Жаль, все меньше становится любопытных и несуетных людей.

Вспомним салтыковских градоначальников, ретивых деятелей без ума, или Огурцова из «Карнавальной ночи»: «Есть указание — весело встретить Новый год!» «Раз надо — значит, надо»,— говорят такие люди и без долгих размышлений бросаются действовать. А там — что получится. Действие — само по себе оправдание. Но беда-то в том, что деятель действует не в вакууме, а в среде, и в нашем случае его поле деятельности — дети.

И тут происходит вот что. Деятельный родитель переносит на свои отношения с ребенком отношения «начальник — подчиненный» из взрослого мира. Представьте: вот стоит большой сильный мужчина (или большая сильная женщина), вооруженный опытом руководства. Он или она исполнены мощной, непробиваемой логикой здравого смысла. А рядом — маленькое слабое существо, которое и двух слов (как надо) связать не может!

Ясно – необходимо «разумное» руководство ребенком по пути к намеченной цели — культуре. А раз так — необходим конкретный результат (требует же с него (нее) начальник выполнения плана!). Ох уж этот результат! Помню, как в начале поприща я волновалась, что некоторые дети не успевают справляться с заданием. К концу урока я боязливо оглядывала «результаты» наших трудов и думала: «Все, сейчас придут, станут упрекать меня в нерадивости или просто смотреть с неодобрением». Со страху я долепливала за детей их работы, доводила до приемлемого вида. Испытывая неловкость перед детьми, я торопила их, вмешивалась бесцеремонно в их дела, утешаясь тем, что я поступаю так во имя их спасения. Родители, они ведь тут же валят на ребенка: бездарный, руки непослушные и т. д. А если я за них долеплю — упреков не будет. Я напоминала сама себе няньку, которая все доедает за вверенного ей ребенка, чтобы хозяева не ругали. И ребенка учит, таким образом, лгать. Зато все шито-крыто.

Намерения были хорошие — хотелось, чтобы родители поверили в своих детей, а это, в свою очередь, придало бы уверенности детям.

Однако путь был ложный. К счастью, я быстро поняла это. И перестала испытывать зависимость от родителей. Это сделало

меня свободной, придало мне силы и уверенности в отношениях с детьми.

Тогда же, в начале работы, был у меня анекдотический случай. Четырехлетний мальчик Андрюша Ч. не ходил ни на один урок. Только на лепку. Чем же его прельстил именно мой предмет? А вот чем. Он усаживался, раскрывал коробку, доставал один брикет, разминал его и обмазывал пластилином ладони. На этом его деятельность кончалась.

В конце учебного года папа Андрюши преподнес мне цветы. «Вы не представляете, как я вам благодарен,— сказал папа без тени иронии,— это единственные полчаса в день, когда я могу посидеть спокойно».

Откровенность Андрюшиного папы умилила меня. Теперь-то я, УВЫ, понимаю, что многие родители водят в студию детей просто для того, чтобы самим с ними не заниматься. Говорят: «Что вы, я технарь, я в музыке не разбираюсь, вы уж тут сами». Или: «Я человек сугубо мастеровой, в ваших премудростях ни бум-бум». Или: «Дома мы не занимаемся, некогда, если б дома занимались, к вам бы не водили — на что время и деньги тратить?»

А одна мама вот что сказала на собрании студии: «Я очень благодарна всем педагогам за то, что вы высвободили время для общения с ребенком. Те два часа, что мы тратим с Леночкой на дорогу в студию и обратно,— это наше единственное свободное время. Шесть часов в неделю мы разговариваем, играем, и она даже стала спокойней, ночью спит лучше».

Грустная правда. Замотанные родители, они только и успевают забрать ребенка из сада, отвести в студию, оттуда — домой, дома — ужин, «Спокойной ночи, малыши» — и в постель. Утром — в сад. Не у всех же есть бабушки…

А ведь иному ребенку вместо всех студий и садов достаточно одного взгляда матери, который не в силах заменить все педагоги, вместе взятые.

БЕЗБЫТНЫЙ КРОКОДИЛ В СТРАНЕ ОЖИВЛЕННЫХ СЛОВ

— В обществе Алешеньки мне некомфортно, я не умею играть с ребенком, чувствую, что от меня исходит флюид растерянности, мрачности, пытаюсь подавить в себе это, но ведь вы сами говорите, что ребенок все равно все ощущает. Я — человек безбытный, до рождения сына я занималась наукой, теперь мне приходится раздваиваться. И с наукой становится сложно — не могу отдаваться ей целиком, а с сыном — вообще полный дискомфорт. Поэтому и вожу его издалека, чтобы мальчик мог хоть два раза в неделю побыть в нормальном обществе. Ведь он у меня невротизированный. Вы этого не находите?

Мама Алеши отлавливает меня в перерыве между занятиями и буквально прижимает к стенке. За ее массивной фигурой мне не видно ни детей, ни родителей, а у многих из них есть ко мне вопросы. Мама Алеши представитель распространенного ныне типа родителей, которые ходят заниматься в родительский университет, посещают лекции на тему «Преодоление конфликтных ситуаций в семье…». Она напичкана наукообразной терминологией, она «профессор» в области детской психологии. Чему же она хочет научиться, посещая лектории и университеты? А вот чему: естественному, живому общению со своим собственным ребенком. Оказывается, этому надо учиться!

— Кубков — вы не знаете Кубкова? — сказал на предпоследнем занятии, что эмансипированная женщина подобна крокодилу. Вот я как раз и есть та самая женщина-крокодил, безбытный крокодил, одинокий. У нас с Алешей не оказалось нужного круга общения, мы с ним никак не можем социализироваться.

Только что кончилось занятие в Алешиной группе. Мы играли в железную дорогу, ездили по вылепленным рельсам в вылепленном поезде в Страну Оживленных Слов. Это вот какая была страна. Стоило тебе произнести «заяц», и тут же перед тобой «очутился» заяц, можешь его за уши потрогать. Или скажешь «свинорыбка», и тут же перед тобой появляется свинья, только вместо ног у нее рыбьи плавники.

Алеша — худой, прозрачный, напоминающий остов перезимовавшего под снегом листа, все ребрышки просвечивают — ведет паровоз в волшебную страну.

– А эта страна — навсегда? – спрашивает, открывая шлагбаум.

Я успокоила Алешу, что страна наша никуда не денется, в крайнем случае, если пассажиры захотят выйти прогуляться, в следующий раз мы их призовем известным нам способом.

А способ у нас вполне надежный: мы «оживляем» с помощью лепки.

Нельзя сказать, что Алеша простой ребенок. Он немногословен (в отличие от мамы), вдумчив не по годам (а кто определил возрастной ценз вдумчивости?), у него слабые ручки и лепить ему нелегко, поэтому пока он в основном играет с тем, что вылепили другие дети. Кого можно назвать простым ребенком? Разве мы говорим: «О, это простой взрослый!» Напротив, чудо, что у такой взбалмошной мамы вырос спокойный улыбчивый мальчик. Как это получилось? А может, и мама у него вполне нормальная, просто встречи со мной ее как-то возбуждают, у нее накапливается много вопросов или просто много мыслей,

которыми ей необходимо поделиться, и в короткое время перерыва она судорожно комкает все в кучу?

— Помогите мне войти в оптимальный контакт с ребенком. Я ничего не умею делать руками. А он все вечера лепит, рисует. Он умеет себя занимать, и я ему не нужна. А мне бы хотелось установить с ним контакт через совместную деятельность.

— Вот и устанавливайте,— радуюсь я, что Алешина мама сама нашла выход.— Вы ведь педагог.

— Я педагог для взрослых…

— А вечером поменяйтесь с сыном ролями. И вы отдохнете, и он в роли учителя себя попробует. Вдруг вы окажетесь талантливой ученицей?

Алешина мама не верит. Так просто? Нет, это слишком просто. Человек прослушал столько мудреных лекций о преодолении сложных конфликтных ситуаций, а я ей предлагаю поучиться у своего ребенка, всего-то навсего.

— Вы ему хотя бы не мешайте.

— То есть не пытаться войти с ним в контакт, когда он сам чем-то увлеченно занят?

— Да, именно так. Алеше в саду предостаточно общения, а дома ему хочется просто побыть с вами, при вас. Вспомните, как в детстве: играешь в куклы или строишь домик из кубиков, а рядом — мама. И так хорошо на душе, спокойно, вовсе не обязательно беседовать с ней. Главное — она рядом.

— А как же взаимодействие, активное общение?

— Да это и есть активное общение. Разве мы общаемся только тогда, когда перекидываемся словами? Часто именно слова-то и являются препятствием для духовного контакта. Мы заслоняемся ими друг от друга.

Все, что я говорю, не убеждает Алешину маму. Расплывчато. Ей, математику, нужно, чтобы все было логично. Чтобы одно вытекало из другого. Если человеку дана речь как способ общения, то как она может быть препятствием для духовного контакта? Ей нужен конкретный совет. Делайте то-то и то-то, и это даст такой-то результат.

Алеша прерывает нашу бесплодную беседу. Он подбегает к маме, приникает к ее юбке, ласкается. Мама же строга. Никакой ответной реакции. Ей бы, может, и хотелось погладить его по голове, но тут же я стою.

— У меня высокий уровень самоконтроля,— говорит Алешина мама, уловив мой неодобрительный взгляд. Это она говорит при малолетнем сыне, который и слов-то таких не знает. — Кубков сказал, что если этот уровень не понизится, то я приобрету невроз. Я уже его приобрела.

А я не приобрела. Беру Алешу на руки, позволяю себе погладить светлую головку и передаю ребенка маме с рук на руки.

— Алеш, ты научи маму играть в страну Оживленных Слов… У тебя мама маленькая-маленькая, смотри, ты насколько выше, ты ее должен учить. Научи ее играть, а? Когда мама была большая, у нее никого не было. А теперь она стала маленькая, и ты у нее появился. Главный друг. Сделай так, чтобы ей стало весело. А за это мама перестанет ходить по вечерам к важным взрослым, которые говорят на непонятном языке.

— Ты правда не будешь уходить? — спрашивает Алеша у мамы.— Навсегда?

— Нет, — исправляю я свою оплошность.— Мама будет ходить учителем на работу, как бывшая большая, а с работы будет возвращаться твоей ученицей. Только скажешь: «Вместо взрослой мамы, кандидата математических наук, веселая девочка на лепке!» — и она тут же превратится.

— И по телефону не будет говорить? — с тихой надеждой спрашивает мальчик.

— Если бы все было так просто,— вздыхает Алешина мама, явно не справляясь с ролью.

— Мам, скажи: миллион ошибок.

— Миллион ошибок,— повторяет мама, испуганно глядя на сына. Правильно понял, мол, мальчик, у нее миллион ошибок в своей собственной жизни и в общении с ребенком.

— Вместо миллиона ошибок — миллион улыбок! — восклицает Алеша.

— Я должна миллион раз улыбнуться? — не понимает мама.

— Да, это в стране Оживленных Слов плохие оживляли ошибки, а хорошие — улыбки. Ну, улыбайся.

Алешина мама улыбнулась.

— Вместо гадости — радости! — провозгласил Алеша.

И мама рассмеялась. Впервые я увидела эту вечно озабоченную своим «дискомфортом» женщину смеющейся.

И это был искренний смех. Благодаря ему уровень самоконтроля понизился сам собой.

Дорогие родители! Приглашаем вас посетить чудесную Страну Оживленных Слов! Разгуливая среди «улыбок» и «радостей», вам и в голову не придет «оживлять» скучного бегемота по имени «дискомфорт» и угрюмую змею по имени «некоммуникабельность». Искренний смех, естественная улыбка — билеты в нашу страну. Не забудьте приобрести их заблаговременно!

ДОМАШНИЕ РАССКАЗЫ

Счастливые мгновения детства… Мама садится в изголовье моей кровати и в десятый, а может, и сотый раз рассказывает про то, как она была маленькой. Как из зависти к младшей сестре она съела целую солонку соли. С младшей сестрой все возились, и маме хотелось, чтобы и на нее обратили внимание. Вот она и съела столько соли, чтобы заболеть, чтобы ее наконец заметили.

Мне было жаль маленькую маму, и, помню, я думала, что, когда вырасту и у меня появятся дети (как минимум десять!), я буду особенно внимательна к старшим.

Мама рассказывала мне много смешных историй. Как она пришла к своему папе на работу и сунула голову за несгораемый шкаф, сунула, а назад вытащить не может. Пришлось маминому папе вызывать пожарников, и они целый час каким-то специальным устройством подпиливали железные ножки шкафа.

Мама рассказывала мне о своем отце, замечательном докторе. Он пошел на войну, хотя у него было очень больное сердце, с таким даже на войну не берут, и таскал на себе раненых с поля боя. Он был храбрый и добрый. Он держал у себя на работе секретаршу, которая почти ничего не слышала. Ему было жаль ее увольнять — он провел специальный звонок от своего кабинета к приемной. Звонок звенел у самого уха секретарши. Услышав его, она шла в кабинет к маминому папе, и тот на бумажке писал, что нужно сделать по работе. А ведь он мог взять на ее место хорошего работника. Мамин папа умер до моего рождения, но я любила его, как живого члена нашей семьи.

Эти домашние рассказы рождают сильнейший отклик в душах детей. Через них дети обретают связь со своим родом, с домом — хранилищем семейных преданий. Через «семейный» эпос они приобщаются к культуре, первая заповедь которой — связь прошлого с настоящим.

Мы, родители, не раз наблюдали, с какой бережливостью и нежностью относится ребенок к тем вещам, которые были любимы нами в детстве. Замурзанный плюшевый заяц дороже новых игрушек — ведь тот заяц мамин! Тепло родительского дома ощущается ребенком через семейные предания, через вот этого самого замурзанного зайца. И сколько мы можем дать детям такого тепла!

ГНЕЗДО «УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХ ПТИЦ»

— Мам, давай рассмотрим камни! — Дети волокут по полу холщовый мешок, набитый камнями.

— Посмотрите сами, мне некогда.

— Нет, мы хотим рассматривать с тобой!

Все повторяется, ничего не проходит. Эти камни — черно-белые гальки собирали мои родители на крымском побережье.

Мне было семь лет, и я, как все дети, искала только драгоценные камни — сердолики, агаты, аметисты. Мы хвастались друг перед другом коллекциями, разложенными в коробочках на вате. Мои же родители, к большому моему удивлению, собирали камни с рисунками.

«Да ты посмотри, это же профиль Пушкина, как он сам изображал себя на полях! Это чертик, а если перевернуть – клоун! Пейзаж ночного моря, берем?» — родители собрали столько камней, что пришлось переплачивать за багаж. Расстаться с мешком сокровищ они не смогли, хотя работники Аэрофлота от всей души советовали оставить мешок на контроле.

— А это что? — спрашивает меня сын.— По-моему, здесь ничего не нарисовано.

— Не может быть, надо искать, зачем-то же дедушка с бабушкой положили этот камень в мешок.

Ищем и находим птицу — два белых росчерка по черной гладкой поверхности, сверху маленькое белое пятно — голова. Летящая чайка.

Кроме гальки с рисунками, в мешке обнаружились камни, причудливые по форме. Камень — рыбий глаз, камень — акула, камень — камея…

Моим детям почему-то и в голову не приходит что-то делать с камнями, они их просто с наслаждением рассматривают. Меня же в детстве камни побудили к активной деятельности. Подобрав камень, напоминающий по форме голову нашего соседа-карикатуриста, я налепила на него пластилиновых завитков, получилась густая вздыбленная шевелюра, на кончик носа посадила очки — вот и портрет. Таких портретов было несметное множество. Достаточно было уловить несколько самых характерных черт — и готово.

Но камень превратился в средство. Он потерял свою самостоятельность. И тут, на счастье, мне попалась цветная открытка японского сада. Где все служит обрамлением красоты камня, а не наоборот.

Начался новый этап. Я лепила сады. Японские сады на крышках из-под посылочных ящиков. Какие это были работы! Почему никому из взрослых не пришло в голову хотя бы сфотографировать их?

Взрослые беспечны. Они кипами сдают на макулатуру детские каракули, не подозревая, что в этих «каракулях» отражен жизненный путь ребенка. Никакая «Королева Марго» не восполнит потери.

Скажут, если все копить, что делают дети, никакого хранилища не хватит. Да полно! Ведь есть место и для

телевизора, и для сервизов, и для ковров и хрустальных ваз, для книг, порой не имеющих никакой ценности, кроме номинальной, а для десяти папок с рисунками не находится.

Щедрая память воскресила сады, и теперь мы с детьми, каждый на своей картонке или дощечке, возводим их, чудесные и неповторимые.

Почти все из того, что мы делаем с детьми по моей инициативе (а она далеко не всегда бывает моей), пришло из моего детства. Я пережила увлечение камнями, с помощью лепки изучила их главные свойства и теперь, окинув взрослым взглядом прошедший «каменный век», возвращаюсь в него вместе с детьми.

Трепет прикосновения к живым камням (а они живые! Они рождаются и умирают. Умирает же отшлифованная бирюза, превращаясь из небесно-голубой в тускло-зеленую) я сохранила на всю жизнь, и этой радостью делюсь с детьми. Но делаю это как взрослая. Потому что знаю, чего сейчас хочу от них, в данном случае я заранее выбрала путь, которым и попытаюсь достичь цели.

Я рассказываю детям, как японцы относятся к камням. Каждый имеет свою историю, в городах есть базары, где торгуют камнями, и японцы годами выбирают один-единственный камень для своего сада. Камень — свидетель давних времен, когда еще ничего-ничего не было, а он был и видел землю, когда на ней не было ни одного человека, а летали огромные птицы-археоптериксы. Крылья у них были, как от нашей студии до вашего дома.

— А нас камень видит? Как он видит? Разве у него есть глаза?

— Камень, ты меня видишь? — спрашивает Максим у своего маленького камешка.— Да, вижу,— отвечает за него басом.

— И мой видит, и мой!..

— А вот посмотрите на этот сад… — Я меняю диапозитив.— Красивый? А чем он отличается от предыдущего?

Сегодня у нас такая задача: кто меньше всего затратит материала и добьется красоты — тот победил. Избыточность — одна из главных особенностей детских композиций. Возможно, она возникает из-за переполненности впечатлениями. Дети все залепляют и зарисовывают до тех пор, пока не останется ни одного просвета.

Дети принимаются за работу, один Максим сидит сложа руки.

— А ты, Максим?

— Думаю.

Время идет, урок подходит к концу, а Максим, пунцовый от

думанья, так и не приступил к делу.

— Что ж ты, Максим? — пристаю к человеку.

— Я додумался до того, что ничего не надо.

— Совсем ничего?

— Совсем,— отвечает твердо, не отрывая глаз от маленького невзрачного камешка.

— Так он и останется лежать на столе?

— Он и так красивый.

— А если ты положишь его в карман, он будет красивым в темном кармане? Ведь он никому не будет виден, даже тебе.

— А я не положу его в карман.

— Что же ты с ним сделаешь?

Не отвечая на последний вопрос, Максим переносит камешек на квадратную картонку, располагает его в центре. Не понравилось. Сдвинул вправо, влево — опять не то.

— Неподходящая картонка,— заявляет он.

Значит, Максим понял саму суть архитектоники, сочетаемость, соотнесенность предметов в пространстве, иначе почему бы он счел картонку «неподходящей» камню?

— Нет, все-таки сдаюсь до вечера,— говорит он.

— А что будет вечером?

— Вечером сделаю.

Я соглашаюсь. Сама не соображу, что можно придумать с его камнем и дощечкой. Какие-то несоизмеримые величины. Нужен третий компонент, который привел бы в соответствие композицию. Но что это может быть?

— А если я предложу тебе другой камень?

— Нет. Я должен придумать для этого,— не сдается Максим.

… И придумал, что самое удивительное. Трапециевидный мост из толстой медной проволоки, ступеньки — спички, у моста — ствол дерева с одной-единственной склоненной веткой. На ветке — два глаза. Они смотрят на камешек у моста.

— Помните, вы спросили, будет ли красивым камешек, если его положить в карман?

—Да.

— Я подумал, что надо сделать так, чтобы его всегда кто-нибудь видел. А деревья-то всегда, они живут долго. Иногда его заметит тот, кто подымется на мост,— я специально его в сторонку отодвинул. Сначала я поместил камешек под мост, а потом сообразил, что там ему будет скучно. Но пока я это лепил, мне пришло в голову кое-что другое.

Максим так серьезно излагает свои мысли, что я не могу удержаться от смеха.

— Я придумал гнездо «увеселительных» птиц. Но вам это

кажется не нужно.

— Почему?

— Потому что вы и так слишком веселая. И уроки у вас — не уроки лепения, а уроки фантастического увеселения. Однако не всем так весело жить. И вот для грустных я придумал гнездо с птичками Как человек загрустил, птички выпархивают из гнезда и делают так: «Уить, уить» — прямо над ухом человека. Человек услышит это «уитьканье» и очнется от грустных дум.

— Мысль замечательная, но как сделать, чтобы вылепленные птицы издавали «уить-уить»?

— Потому я вам и рассказал… Вместе мы что-нибудь выдумаем. Да?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОМА

На вопрос, откуда человек, маленькая Катя ответила с ходу: «Из дома». У Кати нет папы. Зато есть «дедуля», мама и много родственников, о которых она постоянно вспоминает вслух.

— У меня ешть шештренка Шветочка. Мы ш ней играем в Бабу-Ягу.

Сообщит и умолкает. И слушает, притаившись, что дети рассказывают про Бабу-Ягу.

Хорошо помню, какой я ее впервые увидела: крошка с маленькими черными точками — глазами, глубоко сидящими у переносицы, носик маленьким крючком и ярко-красный маленький рот. На Кате было вязаное голубое платье с оборочками.

В отличие от детей, которые на первом занятии жались к маминой юбке, Катя без разговоров осталась одна, спокойно, вдумчиво глядела на «приманку» — клоуна Финтифлюшку и не заливалась колокольчиком, как остальные, при виде Финтифлюшкиных чудачеств, а только кротко улыбалась.

Все шло хорошо, за исключением главного — лепки. Я испытывала неловкость перед доброжелательными мамой и дедулей. И не могла понять, в чем дело: слушает внимательно, старается, а выходит плохо. Не в том смысле, что неправильно, а просто неинтересно. Живой, умненький ребенок должен «выдавать», а у нее колобки да грибочки. Зализанные, круглые-прекруглые…

— Мы же не слепые люди,— утешал меня Катин дедушка.— Не все сразу. Дети разные… Главное, чтоб ей нравилось, другой пользы не надо.

Иные бы уж жалобу написали директору, что деньги платят, три раза в неделю водят, а сдвигов нет. А дедушка еще и утешает.

У Катиного дедушки удивительная улыбка. Она выражает столько разных, но непротиворечивых чувств, что жаль

обозначать ее одним словом «добрая».

Эта дедушкина улыбка и осеняла наши занятия. Входя в класс после урока, дедушка не бросался к Кате, распихивая остальных родителей, не шмякал ее работу в коробку с пластилином.

— Продвигаемся? — спрашивал он всякий раз, разглядывая слепленный грибок или цветок. Он не подгонял Катю, хотя трудно не поддаться той суете и спешке, которую создают родители, переводя детей с одного занятия на другое. Всегда поблагодарит, чуть склонив набок голову, и Катя — вслед за ним.

Катина мама — это уже другое поколение. По мягкости и деликатности она отцу своему уступает:

— А что, у Кати совсем никаких данных нет? Ну что ж, мы все инженеры, технари, ей и не в кого талантами блистать.

Неожиданно Катю «прорвало». Перед тем как начать лепить, мы развивали с детьми тему пустоты. Можно ли слепить пустоту? А дырку? Как сделать дырявую скульптуру, можно ли слепить воздух, можно ли поместить воздух в какой-нибудь сосуд и т. д. От рассуждении такого рода мы перешли к следующим: что такое пустое место, пустая история, пустой человек? Как это передать в материале?

Катя буквально рванулась к ведру с глиной и тут же за несколько минут вылепила человека в кресле. Он сидит, распластавшись вдоль спинки и сиденья, руки раскиданы в стороны, а вместо головы — вогнутый полукруг.

— Шовшем пуштой человек,— глубоко вздохнула Катя. Она наконец решила трудную задачу.

В седьмом классе я не понимала геометрии. Все смеялись над моей непробиваемой тупостью. Больше всех учителей мне нравилась именно учительница по геометрии. Я выучивала наизусть целые параграфы, чтобы перед ней не оконфузиться. Но задачи ни одной решить не могла. Это приносило страдания и двойки. И вот в один прекрасный день я подошла к учительнице и сказала, что могу решить любую задачу со звездочкой. Она посмотрела на меня снисходительно-ласково. Но я настаивала на своем: решу, и все. Учительница ткнула в задачник пальцем, наугад. Я молниеносно решила задачу. И все остальные, со звездочками.

Учительница была поражена. А я — еще больше. Потому что до того момента, как я подошла к ней и сообщила, что могу решить все, я сама об этом и не подозревала. Это чудо — прозрение, озарение, переход количества в качество, называйте как хотите. Факт, что это было. И я знаю, что и с маленькими детьми бывает такая штука. Думаю, что гораздо чаще, чем со

взрослыми,— ведь дети осваивают мир именно с помощью этого «перехода». Потому и не стоит отчаиваться, нервничать, если у ребенка сразу не выходит. Не нужно форсировать события. Значит, он еще не понял, не почувствовал, не ухватил. Дадим ему спокойно подумать. И это принесет плоды. То, что ребенок постигнет в данном случае, будет не верхоглядством, а постижением.

—Я бы открыл такую студию и для стариков,— улыбается Катин дедуля,— учились бы стар и мал…

КАК ПРИДУМЫВАЮТСЯ УРОКИ…

До школы семь минут ходу. Семь минут на размышления. Семь и я погружаюсь в иное пространство. Пространство детского мира.

Вот попалась по дороге гайка, как не поднять? Это уже не просто гайка, а для чего-то нужный предмет. Можно сделать корону царю железа, браслет — красавице, пустой живот… Что скажут на это дети?

Какой красивый кленовый лист, с охристыми прожилками. И еще, и еще. Я спешно собираю листья. В детстве я прилепляла к ним пластилиновые рельефы, украшала лепными цветами, всякими загогулинами. Увы, ни одна из композиций не дожила до сегодняшнего дня — листья засохли, потрескались, пластилин с них попадал…

Листьев хватает только на две группы. Дети лепят — я наблюдаю. Мое дело — смотреть, высматривать, кто с чего начинает, как двигается пластическая мысль, поспевают ли за ней руки, и, если нет, прийти на помощь.

Каждый приступает к делу по-своему. Одни сначала облепляют лист цветными полосками, замыкают, ограничивают пространство и только потом задумываются над тем, что же в нем вылепить.

Другие, наоборот, начинают от центра, переходят к разветвлениям листа, а иные тут же забывают о листе, лепят, нисколько не соизмеряясь с его строением.

Сами лепят, сами восхищаются. Восхищаются, правда, не так результатом, как процессом. А для меня — новые открытия. Оказывается, Маша Н. не понимает сущности рельефа, объемного изображения на плоскости. Она прикрепляет к листу перпендикулярно столбики, украшает их листьями. Я показываю ей, как можно уложить это дерево, влепить его в лист.

— Деревья растут, их не спилили,— заявляет Маша.

— Значит, все, что ты рисуешь на бумаге, спиленное, сваленное?

— Это урок лепки, а не рисования,— говорит Маша. Я

отступаю. Надо набраться терпения, понаблюдать. Может, Маша обнаружит новый способ передачи трехмерного пространства?!

Листья кончились. И тут, как по заказу, подоспела Наташина бабушка с букетом засушенных горных цветов. Какие композиции можно соорудить с помощью нежных, похожих на стрекозиные крылья лепестков! Кстати, с собой набор открыток с жостовскими подносами. Решено — лепим подносы. Я прячу открытки за спину. Каждому выдаю по одной, не глядя, что попадается. Зато честно.

Вот теперь и подумаем, кому какой цветок,— подносы-то разные, узоры и растения тоже разные. Волшебно выглядят сухие светло-зеленые листья, желтые сердцевины, белые лепестки на черном пластилине.

А Сашенька Т. приуныл. Ему скучно. Незаметно подсовываю ему гайку, ту, что нашла по дороге в школу.

— Отличная штука,— рекламирую я находку,— сообрази-ка с ней что-нибудь этакое, а поднос я тебе сама слеплю.

С Сашенькой мы беседуем по-мужски. Он, бедолага, такой затисканный, заласканный. Когда с ним не сюсюкают, он удивляется. Дома он наверняка ходит на голове и топает на домашних ножкой, если что не по нему. А тут он всего боится, неуверенный, несвободный. Гайка ему необходима, чтобы оттолкнуться, сдвинуться с мертвой точки. Потом он сам и поднос слепит.

Кое-как быстро справился с работой и переходит к следующему этапу — ее порче. Нужен глаз да глаз. Главная сложность — объяснить на словах, почему надо оставить работу, — листьев-то еще вон сколько!

— У тебя уже красиво,— говорю я,— дальше можно испортить. Ты уже не чувствуешь, ляпаешь просто так.

Говорю, а сама думаю: «Вдруг я не права?» Я почти уверена, что работа ухудшится при любом следующем прикосновении к ней. Но какой-то шанс остается, и я не даю ему реализоваться. А если меня подвела интуиция?

К следующему уроку от пышного букета остается голый остов. Он сгодится для чудо-дерева. И группа как раз подходящая, четырехлетки. Руки у большинства еще слабые, и простые элементы — шары, мячики, лепешки, блины — пока предел их «формальных» достижений. Вместе с детьми мы вспоминаем стихотворение Чуковского, перечисляем, что же растет на этом дереве, и договариваемся, что именно этого лепить не будем. Слепим свои чудеса. Собственного производства.

— Идеальное дерево!

— Что это значит? — спрашиваю.

— Дерево идеалов.

— А что такое «идеал»?

— Да не идеал, а одеял, дерево из одеял!

Сплошные «перлы». На детей, изрекающих «перлы», родители смотрят с выражением умиления и ужаса одновременно. Приходится их утешать и разочаровывать. В восемь-девять лет «перлы» прекращаются, как правило. Хорошо еще, что исключения остаются. Желание подравнять всех под одну гребенку присуще, оказывается, не столько школе, как принято считать, сколько самим родителям. Вот что грустно.

Наше дерево быстро обрастает всякими «прелестями». Однако не все дети участвуют в общем деле — часть лепит свое, на своей дощечке.

Обычная картина, с простым объяснением. Многие родители не разрешают детям расходовать свой пластилин на «общее дело». Слепленное в школе тут же ломается, превращается в ровный брикетик и кладется в лунку. Наглядное доказательство эфемерности искусства.

Заметив, что ребенок именно по таким мотивам не участвует в нашей игре, я отдаю ему свой пластилин, и все становится на свои места.

Но далеко не всегда так просто — ведь иной ребенок не хочет ни с кем делиться своими мыслями, мечтами и фантазиями. Точнее, не «не хочет», а не может. Он должен уйти в сторону, углубиться и работать самостоятельно. Не из вредности, не из плохого домашнего воспитания. «Это такая личность, она может творить только в таких условиях, и я не имею права давить на нее, перевоспитывать в угоду будущей коллективной жизни.

Вот и готово наше чудо-дерево. Оно останется со мной. Его увидят дети следующей группы. А что, если слепить с ними страну фонтанов? Аллею фонтанов? Фонтаны — это из области чистой пластики, они должны быть легкими, стремительными, и вариаций бесконечное множество. Интересно было бы вообще сделать с детьми наш детский город, вылепить его бесконечным, протяженным, где будет все настоящее, но только маленькое.

Набежали дети, интересуются, что же это такое.

— Несчастное дерево, — говорю, — погибает от жажды, нужна вода. Дерево, как видите, не простое, и вода тут нужна из чудо-фонтанов, чудофонтанная. А что такое фонтан? Кто и где видел фонтаны? Как они выглядят?

Идет оживленная дискуссия. Самые невероятные догадки высказывают мои дети, а сами по очереди подходят к ведру с глиной, получают свою порцию, несут на дощечке к столу.

— Внутри-то пусто должно быть, — замечает Петя В., — чем

мы пустоту проковыряем?

— Сообразил ты удачно, — хвалю я Петю, — нам как раз понадобится проволока. Без каркаса все растрескается, порушится, а наши фонтаны веками должны стоять.

Работа с каркасом непростая. Надо иметь представление о том, как будет выглядеть работа в результате. Недавно мы лепили тонконогих птиц на каркасе. Мальчики как-то сразу отделились, быстро сообразили, что к чему, а девочки смотрели на них искоса, «слизывали», бедняжки.

Чудо-дерево возвышается в центре стола, ждет нашей помощи, и дети об этом не забывают. Одни лепят микроскопические трубочки, присоединяют их к вылепленной чаше, другие — ворочают глыбами.

Составили фонтаны на одну доску — не смотрятся. Разнокалиберные. А если сделать две аллеи — высоких и низких? Тоже некрасиво. Надо как-то скомпоновать. Вот мы и крутим так да сяк, шумим, перебиваем друг друга.

Наконец находим относительное равновесие. Попыхтели, а все-таки к чему-то пришли.

Родители, которые войдут сейчас в класс, не будут знать о том, как это у нас получилось. Непросто. «Ты что лепил? — спросят. — Это. Бери и пошли».

Хорошо, если среди взрослых найдется тот, кто не только похвалит, но и заинтересуется, как мы это делали. И таким образом даст возможность детям «проанализировать» свой труд.

Следующая группа неудачная. Восемь девочек и нежный тихий мальчик, который держится особняком. Девочки поглощены внутриусобными распрями. Меня это раздражает, а раздраженной я быть не имею права. Чтобы справиться с раздражением, надо нейтрализовать их страсти. На помощь приходит сказка, которую сочинил муж: про двух сестричек-забияк, ведьма превратила их: одну — в подушку, другую — в булавку.

Я преподношу им эту поучительную историю не как сказку, а как случай, который недавно произошел с одними знакомыми девочками. Волшебную ситуацию переношу в реально-бытовой план. Действует. Девицы озаботились, только мальчик понимающе улыбается — ему-то что!

В довершение мы лепим персонажей этой истории. Персонажами опять оказываются особы женского пола. Принцессы, красавицы, куклы и просто девочки — одна тематика. Здесь же и предметы роскоши: бусы, кольца, брошки, которые изготовляются в неимоверном количестве. Да и мамы этих девочек, как на подбор, в золоте, серебре, обильной косметике и

свободны от мыслей.

Неудачные группы неизбежны. Чтобы комплектовать их, видимо, недостаточно анкетных данных и одного-единственного общения на просмотре. Как комплектовать группы на уровне детских студий, яслей, детских садов (имеется в виду психологическая совместимость или несовместимость), еще, оказывается, не продумано и не решено. Эта проблема решается только на уровне космонавтики.

Так что и тут приходится действовать согласно интуиции. Нетрудно и промахнуться.

К следующей группе у меня вот такой вопрос: перед нами какое-то существо о стволе и ветвях, по всей видимости дерево. Вокруг него весьма причудливые сооружения. Что это значит? Может, тут что-то лишнее или чего-то недостает?

— Руки Бабы-Яги и Страшные Пылесосы! — выкрикивает Митя.

— Чудо-дерево и Волшебные Горы!

— Сад Удовольствий! — присоединяются к Мите ребята. Вот вам и фонтаны!

— Людей не хватает, — замечает толстая Вика с сережками в ушах. Странно: мама Вики преподает русский язык и литературу в старших классах, а на Вику напяливает немыслимые платья, кольца, да вот недавно и уши проколола девочке. Зачем ребенку именно этим выделяться среди других? Увы, такие мелочи формируют характер. Они навязывают ребенку иную манеру поведения. Вика уже не думает над глобальными детскими проблемами, она кокетничает, жеманится, шаловливо пожимает плечиками, когда ей задаешь вопрос.

— Не людей, а зверей. Люди тебе на что?

— Рыб не хватает, золотых, в чешуе… — мечтательно произносит Митя.

Пока дети спорят, я откусываю плоскогубцами десять одинаковых медных проволочек.

— Сделаем твоих золотых в чешуе рыб вот из этой проволоки, — говорю я Мите.

Ради Мити я готова на все. Это необыкновенный ребенок. Хотя мало о ком я бы этого не сказала. Его блестящие, радостные глаза, улыбающийся рот излучают любовь ко всем и вся. Когда он лепит, то напевает себе под нос. Не бубнит, а поет. Домашний ребенок, но сколь щедро делится с детьми пластилином, красками, конфетами — словом, всем, что у него есть при себе. И все дети тянутся к нему, буквально ловят его взгляд, слова.

Стоит взглянуть на его маму — и все станет ясно: та же улыбка, взгляд, полный доброжелательности. Она-то всегда

внимательно рассматривает не только Митину работу, но и работы всех детей.

— Мягкие, золотистые проволочки, — радуется Митя, — неужели из них получатся рыбы?!

— Обязательно, — говорю я, — только уговор: следите за моими руками.

Я обматываю проволоку вокруг пальца — на этом круге рыба будет «стоять», изгибаю ее по форме, присоединяю конец проволоки к основанию. Готово.

Дети бросаются повторять. Это же так просто! Да руки их слушают худо. Приходится помогать каждому в отдельности. Правильно поставить руку — это полдела. Я зажимаю в своей ладони маленькую ладошку, направляю пальцы, учу одной рукой придерживать проволочную скульптуру у основания, другой — вить по форме. Постепенно кое у кого начинает получаться.

Взгляд мой возвращается к Мите. У него — без проблеска. Но он не нервничает, не зовет меня на помощь. Он пробует. Пытается приспособить пальцы к проволоке, словно к музыкальному инструменту, приладит — и польется плавная линия, заблестит медная рыба.

Дети уходят довольные. Несут на ладонях проволочные скульптуры. А я спохватываюсь: начали с фонтанов, чудо-дерева, перешли к проволоке и забыли, с чего начали. Тоже мне, педагог!

Детям следующей группы я сообщаю: «Из зоопарка сбежали обезьяны. Укрылись в глиняной пещере. Наша задача их обнаружить и поселить в наш собственный обезьяний питомник. Раз они сбежали из зоопарка, значит, их кто-то обидел. Пусть живут у нас».

Задача такого рода сложна для одних детей и проста для других. Это зависит от типа мышления ребенка.

Тип мышления легко выявляется в ходе занятий лепкой. Дети-аналитики вылепливают все по отдельности, из частей собирают целое. Дети с синтетическим мышлением, наоборот, отыскивают предмет в целом куске, отсекают лишнее.

Детям-аналитикам жить, кажется, легче. Они — комбинаторы. Прекрасно справляются с дизайнерской работой, способны сочетать чуждые по фактуре детали. Это, кстати, более обучаемые дети.

Дети-синтетики — натуры более художественные, они идут с цельной идеи. Они гораздо небрежней к деталям и редко воспринимают красоту декоративного изделия в отличие от аналитиков, которые к красоте такого рода очень чувствительны.

Чтобы выяснить, кто из детей какого плана, достаточно понаблюдать, как они находят предмет в целом куске материала,

как они составляют тот же самый предмет из деталей. Для этого можно принести детям мешок всякого хлама, из которого они выберут детали для данного предмета. Тогда метод соединения частей будет более очевидным.

В раннем возрасте тип мышления определить нетрудно. Потом же все затуманивается и не найти истоков.

Все это так. Но тут мы натыкаемся вроде как на неразрешимую проблему. Развивать ли в аналитике противоположный тип мышления, заниматься ли переориентацией или углублять аппарат, данный ему от рождения?

А, чушь это, а не проблема! Каждый уникален. Только с таким ощущением можно быть с детьми. Чего мне далась эта типология?

Уникумы мои меж тем улюлюкают над своими обезьянками. Почти все смогли слепить обезьянку из целого куска, а раньше таким способом лепить удавалось только единицам. Стало быть, смогли дети проникнуться чувством цельности, единства! Говоря по-взрослому, они научились.

Если бы взрослые так относились к живым животным, как дети — к слепленным! Вот они им и еду слепили, и постельки. И даже имена дали.

Я приустала. Впереди еще четыре группы. Чтобы встряхнуться, навожу ревизию в шкафу, ищу сама для себя приманку. И нахожу.

Шишки. Их принесла та же бабушка Наташи. Тоже персонаж. Завалила меня всякими «нужностями» — цветками, шишками, бусинками, всегда у нее Наташа аккуратно одета, причесана, внешне полное благополучие. А как-то услышала я из туалета рев. Заглянула — и вижу: лупит бабушка свою внучку; а та орет не своим голосом. А лупит за то, что платье гуашью измазала. Вот тебе и доброта!

Но шишки эти, несмотря на злобность дарительницы, я сейчас и использую. Устроим урок для аналитиков. Те же обезьяны, та же версия, но только вместо глины пластилин и шишки.

До дому меня провожают дети с родителями последней, пятнадцатой группы. Это единственные родители, с которыми у меня тесный контакт — мы успеваем беседовать. На беседу с ними трачу последний порох. Я устала. Язык не ворочается. А впереди еще одна игра. Со своими детьми. На которых у меня тоже не хватает времени.

УРОК

Урок — это импровизация, игра, мистификация, но никак не

затверженная из года в год программа. Детей не надо искусственно возбуждать, заводить. Стоит верно почувствовать, чем живет каждый из сидящих на голубой лавке за низеньким длинным столом, уловить нерв, определяющий доминанту данного урока, — и рождается действо, в котором все участвуют на равных правах. Часто задним числом я пытаюсь осмыслить, что побудило меня сделать или сказать то-то, и вдруг с какой-то необыкновенной яркостью увижу перед собой детские глаза и пойму, что именно они и спровоцировали меня на данный поступок или фразу. Мы проживаем вместе каждую минуту, между нами тесная связь, что только и дает возможность личностного подхода к каждому ребенку. Вместе и каждый сам по себе, мы возводим свой, общий мир.

Поначалу детей больше интересует моя «затравка» — тема или предмет разыгрывания на уроке. Но постепенно их внимание переключается на задачу: как слепить? Они атакуют меня бесчисленными вопросами. Как вылепить шерстку? Как сделать так, чтобы бежал и не падал? Как сделать круглое и колючее? Как сделать дырку?

Один из таких вопросов превратился для меня в «домашнее задание».

КАК ВЫЛЕПИТЬ «ОТФЫРКИВАНИЕ»

— Твой Человек-Туча — просто находка для лепки, — говорю я мужу, непосредственному участнику наших занятий. Он придумывает для нас сказки.

Его Человек-Туча — человек, как все, но с одной странностью: стоит ему огорчиться, как он превращается в тучу. В первый раз это случилось с ним в школе. Учительница, не зная за ним такой особенности, поставила ему двойку. И тут на глазах у всего класса он стал расплываться, увеличиваться, «тучнеть», и из него хлынул такой дождь, что все, включая учительницу, промокли до нитки. Пришлось повесить ему на грудь предупредительную табличку: «Если сильно огорчаюсь, сразу в тучу превращаюсь».

— Понимаешь, в нем есть признаки и «тучности», и «человечности». Как лепить тучу, дети сразу догадались, лепить человека все могут, а вот поди найди пластическое решение для совокупного образа!

Олег говорит:

— «Тучность» я еще могу изобразить, а вот как вылепить «летучность»? Туча летуча, а пластилин не летает, — потом подумал, сделал высокий пьедестал, получился памятник «Человеку-Туче». — Пусть будет памятник, памятник от слова «память». Пусть помнят в народе о человеке, умеющем по-

настоящему огорчаться.

Да, но самое-то главное — дальше. Сидит, смотрит изучающим взглядом на свою работу, беседует сам с собой:

— Все готово, осталось вылепить «отфыркивание». Ему во влажной туче тяжело по-человечески дышать, и вместо дыхания выходит отфыркивание. Как его слепишь? Если бы нарисовать, я бы нарисовал пузыри, как в аквариуме. Они образуются от дыхания рыб под водой при помощи жабр. «Отфыркивание» – это баранки из пластилина, куда их приделать? Заметь, какой язык, от неологизмов до канцеляризмов — и все в одной фразе.

— Ну и что он придумал?

— Ничего. Не представляю, как вылепить «отфыркивание». Сейчас попробую.

Дети спят. Тишина. Единственное время, когда можно подумать о своем. А свое — это опять-таки дети. Замкнутый круг. Да нет, разомкнутый. Дети, за исключением особых случаев, – системы разомкнутые, свободные, они-то как раз и связывают меня с миром, через них я проникаю в светлые глубины.

Как вылепить «отфыркивание»? Мой Человек-Туча выходит похожим на причудливый мешок, из которого высовывается голова: щеки надуты, губы вытянуты в трубочку. Получается литературная интерпретация, человек фыркает, а надо — от-фыркивание, чтобы что-то от-летало, от-почковывалось от цельной формы.

— Плохо, что у нас нет специального издательства, публикующего произведения детей. Оно могло бы печатать и их устное творчество, фольклор, и их первые письменные труды. Приключенческие романы, которые сочиняют дети вместе с иллюстрациями, можно было бы выпускать факсимильным изданием. И нашу словесность это бы обогатило, и многих профессиональных детских писателей отвернуло бы от сочинения фальшивых книг.

— А дети не терпят фальши, сюсюканья, — подхватываю я. — Сюсюканьем взрослые стараются подделаться под детей. Даже старшие дети с появлением в семье маленького ребенка тут же начинают копировать в своей речи малышей. У детей, скажем, это неосознанно, по склонности к подражанию, а у взрослых приобретает характер заискивания. И ребенок немедленно реагирует на фальшивую интонацию. Непонятно, откуда у них абсолютный слух на слово?

Я говорю «непонятно», хотя, кажется, мне понятно. Оттуда же, откуда у них врожденное чувство ритма, композиционного строя гармонии. Непонятно мне по-прежнему одно — как справиться этим «отфыркиванием». Сама же убеждаю детей: нет

ничего такого, что нельзя было бы передать в форме. Может, сделать ее ажурной, дырявой? Тогда отпадет главный признак — тучность.

— Дети одарены великим даром слова. Мы находим в их словах иногда смешное, иногда чудное, парадоксальное, иногда глубокомысленное. Они же ничего этого не видят, потому что — свободны. Свобода эта не бесцельна и не бессмысленна. Выражая себя в слове и словесной игре и воспринимая выражения других, ребенок вступает в общение с «большим» миром, осваивает нравственные и культурные ценности, определяет свое место в «среде обитания». Только путь у него детский.

— И тут самое важное — переход от слова к делу. — Я сломала прежнего Человека-Тучу и, кажется, нащупала новое решение. Теперь «тучность» у меня не мешковатая, она состоит из тонких пластин с расплывчатыми краями, соединенных друг с другом. Внутри — сквозная дыра, в ней — кольца, сложенные пирамидой, сквозь них продета фигурка человека с оттопыренными щеками и надутыми губами.— Для ребенка очень важно найти адекватную форму любому слову или выражению. Кстати, папа Олега подарил мне страничку с высказываниями. Полюбуйся: «Олег поздно вечером просит помидорку. Ему отвечают, что уже поздно и помидоры спят. Олег отвечает: «Я могу съесть и сонные помидоры».

— Слушай, это великолепно, расскажи мне про этого Олега.

— Олегу шесть лет. Он вундеркинд. Он знает все страны мира, все низменности и возвышенности, флору и фауну пяти континентов, тома детских стихотворений — наизусть, при этом не механически запоминая, умеет пересказать их прозой. Знает названия и свойства разных камней, откуда берутся краски, как добывается жидкий водород… Перечень того, что он знает, мог бы занять десятки страниц. Информацию эту никто ему не навязывает, он ее жаждет сам. Жаждет и получает. Безусловно, при таком интеллекте страдает «деятельность». Потому-то мудрый папа и привел его к нам в студию. Идея! Придумай, пожалуйста, сказку про сонный помидор. Во-первых, он очень удивится, оказывается, не один он на свете столь изобретателен, и обрадуется, он не кичлив, и, самое главное, ему надо будет вылепить этот самый сонный помидор, материализовать образ, ему придется передать состояние помидора, его «сонность», это задача непростая. Решать-то ее придется не в уме, а на деле.

— Это я тебе придумаю, будь спокойна.— Муж смеется, глядя на мою работу.— Что это у тебя за агрегат получился, генератор отфыркивания?

Да, сложная композиция. Одно движение — и «агрегат»

превращается в лепешку.

— Вот и зря,— говорит муж,— эту бы и предыдущую надо было сохранить как эскизы. И показать Олегу, как происходит поиск нужной формы. Что и тебе не сразу удается лаконично и красиво выразить мысль. Все ломаешь и детей этому учишь. Это неправильно. Надо, чтобы дети не ломали неудачные работы, бесконечно превращая одно в другое, а работали последовательно. Набросок за наброском, эскиз за эскизом. Тогда будет легче проследить за движением мысли.

—— Ты прав. Но знаешь, пока ты говорил, я вот о чем подумала. Мы предлагаем не свою идею и методику, мы как бы отдаем себя, вот в чем дело. Почему опыт одного педагога подчас так и остается его собственным опытом? Да потому, что дело в личности, а личность — это живой человек, с достоинствами и недостатками. Я не хочу оставлять после себя неудачные работы, черновые записи, неосуществленные замыслы, хотя, может, у меня по-настоящему и нет вообще ничего хорошего, но явно плохое хочется уничтожить. А дети вырастут и разберутся. Кое-кто так и будет уничтожать неудачные работы, а кто-то, наоборот, сохранит все, что выйдет из-под его рук. Принеси-ка мне, пожалуйста, медной проволоки.

— Новые идеи? Интересно, как это твои дети за полчаса справляются с заданием, а ты битый час сидишь.

— Они талантливей меня.— Последняя попытка, и я сдаюсь. Как Олег.— Кстати, прочти вслух,— я отдаю мужу страницы с Олеговыми высказываниями.— Этот папа Олега под стать своему сыну — так все точно, лаконично, подмечено самое существенное. Ну, читай.

«ОЛЕГ ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО ШЕСТИ»

Бабушка решает кроссворд и спрашивает у мамы Олега, не знает ли она, кто архитектор Казанского собора в Ленинграде, мама советует спросить у внука (Олега). Олег сейчас же отвечает «Воронихин». Тогда бабушка спрашивает, не назовет ли Олег инструмент для наблюдения за звездами, который бы оканчивался на букву «р», следует ответ: «Телескопер».

Олег гуляет с папой по улице, останавливается, топает ногой и спрашивает: «Что там внизу находится?» Папа отвечает, что там под асфальтом земля и в ней всякие червячки и букашки. Олег не соглашается и говорит, что там находится Подмосковье (находится под впечатлением набора открыток «Памятники Подмосковья»).

Олег пришел с прогулки, гулял с хорошим настроением, идти домой не хотел и, придя домой, заявил: «Это не дом, а концентрационный лагерь, резервация — колючей проволоки нет,

а настроение портят: звонят по телефону (мама Олега в это время разговаривала по телефону), тапочки не надеваются (никак не мог натянуть задник тапочка на пятку)».

Олег решил проверить познания мамы в географии и спросил где находится река Миссисипи. Мама, не задумываясь, ответила, что в Южной Америке. Олег: «Мама, ты такая многолетняя женщина и не знаешь, что Миссисипи находится в США».

Олег летом жил на даче и умывался над тазиком, воду из которого после умывания выливал собственноручно. Олег был не в настроении, умылся и нес тазик с мыльной водой, чтобы вылить воду в ведро. По дороге ворчит себе под нос: «Сейчас брошу таз и скажу, что споткнулся».

Олег с папой жгли костер на участке дачи, и вдруг начался дождь, но Олегу не хочется идти домой и он говорит: «А мы разведем костер до неба, оно и высохнет».

Папа смотрит телевизор, а Олег его зовет в другую комнату поиграть с ним. Папа не идет, так как показывают интересный фильм. Олег тогда говорит: «Телевизор надо разбить, размолоть, растереть и раздать порошок людям, этот телевизор будет у всех, а вместе с тем и ни у кого».

— И давно у тебя появился этот умник?

— В начале этого года.

— В первый раз слышу.

Муж удивлен. Он знает обо всех моих детях. Об Олеге я не рассказывала ему по той простой причине, что до последнего момента не могла понять, что это за экземпляр. Как к нему относиться.

— Первое впечатление было такое: бледнолицый человек-монолог в круглых очках, по-стариковски сдвинутых на нос, всего-то шести лет от роду, держит речь о чешуйчатокрылых, обитающих в странах с резко континентальным климатом. Жутковато. Теперь-то я понимаю, что эти речи были способом его самоутверждения. Он впервые попал в общество, где слова трансформируются в материальные образы, в скульптуру. А делать руками он ничего не умел. Комкая в руках пластилин, он произносил тирады, а дети же под его тирады лепили, у них все время что-то получалось, а у него — нет. И вот пару уроков назад из-под его рук вышло первое произведение — змея. Помнишь, как у меня в детстве. Свернул змею в клубок, вытянул рожки — улитка. И пошло, да в каком темпе! За два урока такой скачок — от элементарной змеи к сложному образу Человека-Тучи.

— Теперь мне все понятно,— улыбается муж.— Ты боялась, что Олег станет твоим поражением, а поражений у тебя не бывает,— подтрунивает он надо мной.— Разве что первое в

жизни.

— С «отфыркиванием»?

«Тучность» возрастает, а «человечность» тает на глазах. Стаяла до проволочного контура. От проволочного рта отходят проволочные кольца. Такое получилось у меня «отфыркивание», проволочное. В пластилине эту задачу пока решить не удалось.

— Изящный выход из положения,— говорит муж.— Не ломай, пожалуйста,— просит он меня, отводя руку, занесенную над проволочным Человеком-Тучей.— Лучше представь это на ваш детский худсовет, дети будут в восторге — ты, учитель, отдаешь свою работу на их суд.

— А ты не хочешь попробовать свои силы в области отфыркивания?

— Нет, знаешь формулу взрослых: каждому свое. Это детям дано свободно проявлять себя во всех областях, а у взрослых область деятельности сужена. Так что лепи свое «отфыркивание», а я пошел сочинять про сонные помидоры.

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Взрослый смотрит на работу ребенка и говорит, морщась: «Не похоже!» «А на что похоже?» — спрашиваю я всякий раз. «Ни на что»,— обычно следует ответ. А ведь дети только лишь по одному признаку подобия могут опознать и назвать весь предмет. Попробуйте понаблюдать, как ребенок, разминая пластилин, всматривается в форму и силуэт и шепчет: «Белка, а это домик, а это чье-то ухо вылезает!» Он обнаруживает предмет там, где его нет в действительности, он фантазирует, и это почему-то настораживает взрослых.

Во взрослом мире многое застыло, начиная от угла зрения (сверху вниз) и кончая раз и навсегда заданным ритмом жизни. Отношения с миром зачастую функциональны и четко определены набором социальных ролей.

Как же трудно, выйдя из функциональных тисков, обратиться к детскому миру!

А что же ребенок, которому отведено в этой картине такое незначительное место? Каковы его «роли»? А у него, слава богу, нет ролей. Он живет, а не играет роли. Точнее, он играет и живет в игре. Далеко не всегда сформулированы правила и предметы игры, которой может быть что угодно. Достаточно вспомнить себя детьми! Вспомнить — значит хоть на время поставить себя на место ребенка. Стоит нам перестать быть серьезными, включиться в игровое пространство детей — и мы многое заметим. Мы же хотим привить ребенку культуру? А что такое культура? Это прежде всего память, живая связь между близкими людьми, между поколениями и историческими эпохами.

Что же касается многих и многих взрослых, то они не только с прошлым не связаны, они оторваны даже от настоящего. Самое

страшное в той функциональности, о которой я говорила, именно замкнутость, ограниченность мира «функционера», отчуждение от самых теплых, интимных сторон бытия, иными словами — разрыв связей с миром, преодолеваемый только пониманием и любовью, точнее, понимающей любовью. И те родители, которые сегодня не могут преодолеть эту замкнутость, перешагнуть пропасть, отделяющую их от детей и от мира живого, сегодняшнего, обречены на одиночество в мире завтрашнем.

ЗАМУРОВАННЫЙ ЛЕВ

Настя — молчунья. Круглые испытующие глаза на продолговатом лице. Редкие светлые волосы свисают вдоль худой шеи.

Ее брат Коля выполняет все задания, хотя ему четыре, а Насте — шесть. Он болтает с детьми в группе и ни разу не обратился к Насте. Знает, что Настя смолчит в ответ, и не пристает.

Поначалу думала: стеснительная, пообвыкнется — разговорится. А она молчит. Уставится на меня широко раскрытыми глазами и молчит. Лепит куколок, то, что умеет. Ни за одну неизвестную вещь не берется. И не пытается.

Спросила у папы, как себя ведет Настя дома. Ответил сухо: «Как все дети». Мама детей ни разу не приводила, хотя она у детей есть, указана в анкете.

Смотрит и смотрит девочка, во взгляде — никакой злобы или ненависти, как у Вадима Н. Кажется, Настя готова заговорить, но что-то ей мешает. Что же это?

И вот как-то мы все лепили льва. Неожиданно и Настя его вылепила. Я похвалила Настю и попросила льва для нашей классной выставки. Настя покачала головой, достала из коробки брикеты пластилина, построила из них глухой колодец, уложила в него льва и сверху замуровала пластилином так, чтобы ни одной щелки не осталось.

Это был знак одиночества, причины которого мне были и остались неизвестны.

Я предложила Насте прорезать окошки в доме. Она покачала головой.

— Может, тогда слепишь петуха, чтобы лев по кукареканью узнавал, утро сейчас или вечер.

— Ладно,— сказала Настя.

Даже дети умолкли, услышав Настин голос.

Вскоре папа перестал водить в школу детей. Так и осталась ее душа закрыта для меня. Остался звук — глухая клетка с сидящим на ней петухом.

Наша задача, задача взрослых — научиться понимать язык ребенка или даже говорить на нем. Конечно, как и при освоении

любого языка, здесь нужны терпение и усердие, но этого мало. Уж больно деликатен, тонок и неуловим этот язык — язык мыслящих и чувствующих существ. Задача кажется невероятно трудной, даже невыполнимой. Но вспомним: на нашей стороне любовь к родному человеку. В этом огромное преимущество перед теми, кто, например, изучает иностранные языки. Детский язык — не иностранный, мы владели им прежде, и наша задача восстановить его в памяти.

Вот послушайте, как узнал язык деревьев мальчик из сказки французского писателя Ле Клезио: «Деревья только с виду неприступны и молчаливы. На самом деле они просто слишком застенчивы и боязливы. Поэтому они при посторонних всегда молчат, и никто не знает, что у них есть свой язык, и, если вести себя осторожно и умно, их можно приручить. Этим-то увлекательным делом и занялся мальчик, про которого речь в нашей сказке. Тихо-тихо пробирался он по лесу, бесшумно выходил на поляну, садился на траву и молча наблюдал за деревьями. Скоро мальчик заметил, что деревья совершенно не боятся птиц. Напротив, они очень любят нежные птичьи посвисты. Тогда он и сам попробовал тихонько насвистывать. Долго у него ничего не получалось, но когда получилось, вокруг стали твориться чудеса: деревья начали оживать! Сперва осторожно распрямились ветви, открываясь, словно большие зонтики, потом бледные корни вылезли из земли, чтобы погреться на солнышке, которое редко проникает к ним сквозь густую листву. И когда деревья перестали бояться, по всему лесу разнесся глубокий вздох облегчения».

Прислушаемся к беседе двух пятилетних детей, девочки и мальчика. Они лепят и разговаривают.

Девочка:

— Возьми лук зеленый, вымой его, раздели на четыре части. Потом говори: «Баран, баран, завей рога». Он и завьет. Мальчик:

— Когда же мне голову снимут и подарят другому человеку, а голову другого человека подарят мне?

— Зачем тебе это?

— А может, у другого человека хорошая голова, а у меня плохая.

— Ты просто не умеешь колдовать. Надо выставить руки вперед и сказать: «Чуфы, чуфы, муфы, муфы». Голова ни при чем.

— Как ты думаешь, в жизни одного человека сколько дождей?

— А как ты думаешь, где я беру уроки колдовства? Ночью я хожу в волшебный подвал. Там я их и беру. Еще хожу в лес, дремучий-предремучий. И ухаю, и всех пугаю.

— И никому это не нужно. И думать не нужно, а просто всех

любить.

— Это я умею. Я умею украшать людей звездами, ловить облака, могу обращать людей в птиц.

— И все-таки жизнь грустна: взгляни на лампочку или на солнце — хочется закрыть глаза.

— Ну и что? А я возьму листок, проведу по горке, и она перестанет течь водой. И мне станет видно все, что делается на свете.

— А зато когда я вырасту, то стану всем человеком: мушкетером, и солдатом, и принцем.

Что это, простая болтовня? Нет, это два жизненных кредо. Девочки-фантазерки и мальчика-философа. Каждый гнет свою линию. Это линии, никак не перекрещиваясь, взаимодействуют друг с другом. Девочка-фантазерка в конце концов вызывает в мальчике-философе желание не только размышлять, но и стать кем-нибудь — мушкетером, солдатом или принцем. Реплики перерастают в диалог.

Дети как деревья. Если вести себя с ними «осторожно и умно, их можно приручить». Приручить, то есть приблизить их к своей руке, взять их под свой покров. Только действовать надо «осторожно и умно»!

ВТОРОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Дети мечтают скорее вырасти. Им хочется ложиться спать поздно, смотреть «взрослые фильмы», не есть перед сном каши, они мечтают разгуливать без присмотра, без вечных взрослых окриков и одергиваний — туда не ходи, здесь не стой, того нельзя, сего нельзя. Им претит наша мелочная опека. В главном мы часто пускаем детей на самотек — не интересуемся их увлечениями, не способствуем правильному развитию их душевных качеств. В мелочах же мы предельно занудливы.

«Нескоординированное воспитание» дает свои плоды. Дети хотят скорее вырасти и вырваться на свободу. На такую свободу, которая на взрослом языке именуется самоуправством. «Вырасту, родителей слушать не стану, буду все делать, как мне нравится, вот тогда-то они у меня попляшут»,— лелеют дети свои мстительные мечты.

Есть, правда, дети, которые мечтают как можно дольше оставаться маленькими. Это редкие «экземпляры», понявшие, что взросление — это в конечном результате приближение к смерти.

— Мама, давай больше не будем есть, тогда мы не вырастем и не умрем,— предложил мне пятилетний сын.

Но есть и подобие смерти, когда физически ты существуешь, а душа твоя окостеневает, мертвеет. С детьми такое случается редко, и если все же случается, в этом целиком виноваты мы,

взрослые.

МАЛЬЧИК С ФЛЕЙТОЙ

— А жнаете, фто я вам сейчас шкажу? — Большой пунцовый рот с шипением и свистом выталкивает слова. Мыслей у Гоши — полная голова. Она у него большая — еле держится на тонкой шее, клонится то к одному плечу, то к другому.— У нас в павке штаит Баба-Яга и вовк. Девевянные. А ешли б они были нафтоящие, то все бы люди сбевали. Вот.

— Но ты-то их не боишься?

— Не-ет, они же не вывые! Я вы мовете шлепить Бабу-Ягу? — Зрачки расширяются, карие глаза чернеют.— Шлепите мне, повавуста, Бабу-Ягу, нафтоящую!

Детей в Гошиной группе много, только успевай поворачиваться, а Гоша меня постоянно отвлекает. Рассказываю детям сказку про двух друзей-великанов, а сама леплю Бабу-Ягу, по Гошиному заказу. Ставлю ее перед Гошей, отхожу к другому столу, помогаю детям размять пластилин.

— На этих великанов гору пластилина надо,— ропщут. Пусть, пусть сначала попробуют истратить гору, сами убедятся, что дело тут не в горе, а в пропорции, в соотношении величины головы и туловища. Потом я покажу им своего великана: с головой размером в горох и туловищем — с мизинец, а ну-ка чей великаннее? Кто это плачет? Оборачиваюсь — Гоша.

— Жалепите ее, жалепите! — стонет Гоша.

Превращаю Бабу-Ягу в лепешку. |

— Гоша ты мой, Гоша, зачем же ты попросил…

— А она шнова не вылежет? — показывает на смятую Бабу-Ягу.

— Нет. Она же не настоящая.

— Никаких Баб-Яг на свете не бывает,— смеются дети, а Гоше страшно. Он даже вылепленного крокодила боится.

Показываю детям, как лепится крокодил.

Гоша повторяет за мной все движения, приговаривает. «Вот он увже пашть рашкрыл…», и как отбросит от себя крокодила. «Жакройте, жакройте ему рот!» — просит. Он теперь и слово-то «пасть» боится произнести, заменяет на «рот».

Играем в кошки-мышки. Гоша стоит в стороне, вращая вытаращенными глазами туда-сюда, словно наблюдает за пинг-понговым шариком в игре. Вжался в стену, смотрит на веселую беготню округлившимися от ужаса глазами.

— Ты чего, Гоша, мы же играем.— Я затеяла эти кошки-мышки для того, чтобы обратить внимание детей на сам характер человеческого движения, а то они лепят все застывшее.

— Шейчас, поймают, шейчас,— шепчет.— Не хочу, не хочу,

не хочу,— закрывает глаза ладонями.

Приходится прекратить игру.

Когда Гоше ниоткуда не грозит опасность, на него нисходит блаженный покой. Верхние веки наплывают на зрачки, покрывают их до середины, улыбка застывает в витых углах рта, обнажаются крупные передние зубы с расщелиной посредине. Гоша о чем-то грезит, он уже не с нами, он там, где нам не бывать.

В такие минуты он поет, тихо-тихо, подкрадешься из-за спины и слушаешь эту музыку, прозрачную, дребезжащую, как воздух в морозный день.

— А вы жнаете фто? — пробуждается Гоша от грез.— Когда я вырофту, мне купят флейту, нафтоящую. Я увже умею швиштеть. Фше флейтифты должны уметь швиштеть. Хотите пошвищу?

Закрыв глаза и запрокинув голову, Гоша высвистывает мелодию с пластинки «Играет Франциско Гойя», гитарную музыку в переложении на свист. Чисто, ни одной фальшивой ноты. Большой рот собран в трубочку, Гоша перебирает пальцами, играет на воображаемой флейте, настоящую-то ему подарят, когда он вырастет!

— Шбився,— вздыхает Гоша, хотя никто не заметил сбива.— Жубы уштали. Шкорей вы выращти! — мечтает он.

— Вы Гошина… (Мама? Бабушка? Женщина в летах, желтая кожа обтягивает резкие скулы, глаза тусклые в темных запавших глазницах, рот живой, полнокровный, Гошин.).

— Мама,— помогает мне, видно привыкла к тому, что ее принимают за его бабушку, больно уж резок контраст: яркий ребенок и тусклая, как пожухлый осенний лист, мать.— А что, он плохо себя ведет? На него все педагоги жалуются.

— Нет. Ваш Гоша необыкновенный. И в какой раз мелькнула мысль: расхожее словцо «необыкновенный», а кто из них обыкновенный?

— С ним надо заниматься музыкой, он нам сегодня такой концерт устроил.

— Это он может,— улыбается мама одними губами, лицо неподвижно, глаза словно незрячие.— Мы ж к вам ездим из Мытищ!

Из Мытищ! Полтора часа на двух электричках. Ненормальная мать!

— Встаем в полседьмого, Гоша раньше меня просыпается, торопит, нервничает, что опоздаем. Если вам рассказать, как он рос…— Гошина мама передергивает плечами, ежится, словно от холода, хотя в школе тепло, топят.— Можно, я провожу вас до дому?

— А Гоша?

— Я его на гардеробе оставлю, у Ольги Павловны. Видно, обжились они в школе. Успели подружиться с вахтершей. А к ней подход нужен. Одной рукой гладит, другой — бьет. Значит, подстроились под ту руку, что гладит.

Ольга Павловна сухая, неразговорчивая, тонкие губы плотно сжаты. Не от хорошей жизни пошла в вахтерши — схоронила мужа, в пустой квартире места себе не находит. А школа большая, шумная, одних педагогов больше ста, да детей до тысячи. И за всеми надо уследить, у всех сменку проверять, насчет сменки Ольга Павловна неумолима, не пустит на занятия в уличной обуви. Зато карманы ее черного халата топырятся от конфет. Выбежал ребенок с занятия, а мамы нет, она его тут же под свое крылышко, конфетами потчует, утешает. А явится потерявшаяся мама — отчитает по первое число.

— Я вам такое рашшкажу,— Гоша ей.

— Ты-то, говорун,— треплет Гошу за кудрявый вихор, а сама матери жестом показывает: идите, идите, присмотрю.

Гошина мама уже одета. Жиденькое пальтишко с белыми запалами на лацканах, облезший каракулевый воротник, ежится, бедная, от холода, еще не выйдя из школы.

— Может, не надо меня провожать?

— Да нет, сейчас угреюсь. Это так, в момент заколотит и отпустит. С недосыпу. Ночами таксопарк мою, через сутки, и днем не прилечь — убираю в квартирах, да в горкоме от семи до девяти. Гошу с собой беру, полы мне помогает натирать, уж так старается…

— А ночью он с кем?

— Он у меня спит хорошо. Живем в коммуналке, так что, если что, соседи подойдут. Комната у нас такая, что Гоша до трех лет в кроватке сидел, ползать негде было. Он и говорить начал поздно, нечисто, надо бы к логопеду…

— А он ходит в садик?

— Нет, я не могу с ним расстаться. Жизнь прошла в пустоте в одиночестве. Гоша — единственное, что у меня есть. Мне страшно за него.— Тревожный при слове «страшно» свет загорается в глубоких глазницах, свет в конце тоннеля.

— Он слишком впечатлительный! Книги просматриваю перед употреблением, опускаю все, что его может напугать, музыку отбираю — чуть не та нота, он в плач. Как вы думаете, это когда-нибудь пройдет? Так за него тревожно.

— Ничего, Гоша подрастет, начнет заниматься музыкой, жить в своей стихии. Только ни в коем случае не отдавайте его в плохие руки.

Мы уже дошли до дома, стоим у подъезда. Пригласить бы ее,

накормить, отогреть, да не много ли для первого знакомства? «Вы меня приручили, так несите ответственность за приручённых»,— написала мне в письме одна девочка. Верно написала. И надо с радостью нести эту самую «ответственность», а значит — забыть себя, полностью от себя отрешиться. А в голове — вычислительная машина: как бы так исхитриться, чтобы не передать лишнего.

— Вы уж его особо не балуйте, а то как прилипнет. Ой, я вас задерживаю…

— Может, зайдете? — Компьютер наконец выключился.

Но у нее-то работает. Отказывается: «Как же к детям с пустыми руками!»

— В нашу дыру никого и не пригласишь! А тут попал в общество, так с трудом его увожу домой. В электричке засыпает, с Ленинградского на Ярославский на руках его переношу, сонного. Благо, платформы рядом.

— Как же вы тащите такого здорового парня?

— Ничего, он голову на мое плечо свесит, руками шею обовьет и спит.

Гляжу на эту маленькую, стареющую мать и представляю себе, как тащит она на себе здорового розовощекого Гошу… «Своя ноша не тянет…»

Ради Гоши она гнет свою спину в таксопарке и горкоме, подрабатывает уборкой в квартирах. Она не жертва любви, она — сама любовь.

На новогодний праздник мама сшила Гоше костюм принца: коричневый комбинезон со шлемом, в серебряных звездочках из жесткой фольги, флейту обклеила разноцветными блестками, к сапогам приделала красные картонные ботфорты.

Гоша-принц наигрывал на флейте, пробуждал снежинок и зайцев от зимнего сна.

Казалось, так и потечет Гошина жизнь, жизнь сказочного принца, музыканта, в блеске серебряных звезд, мальчика не от мира сего.

…Гоша вырос. Высокий, побледневший, с новыми плотно сидящими зубами, он все меньше и меньше походил на того карапуза, который испугался Бабы-Яги. И голова уже не казалась огромной, все уравновесилось.

Они по-прежнему жили в Мытищах, к каморке прибавилась комната, а в комнате появилось пианино — купили в рассрочку.

Гоша — третьеклассник, широко раскрытые карие глаза спрятались вглубь, занавесились длинными загнутыми кверху ресницами.

А мама совсем сдала. Привезет его на урок музыки,

прижмется боком к батарее в фойе и дремлет.

— Шли бы в раздевалку да и заснули поуютнее,— приглашает Ольга Павловна Гошину маму туда, куда никого чужого не допустит.— Такая ломотня в этакую даль возить. Чайку вам согрею, горяченького,— жалеет Ольга Павловна уставшую, закоченевшую мать.— Вы б ему не разрешали после урока болтаться, позанимался — и домой, а то ходит-бродит по лепкам-рисованиям, от сна час отрывает.

— Пусть ходит, для него это отдушина.

Отдушина… Ею должна была стать для Гоши музыка. И не стала. Может, это был детский талант? Бывают же детские болезни!

Бродит мальчик по школе, смотрит вокруг большими растерянными глазами — что-то он потерял, а найти не может.

Ко мне то и дело заглядывает. Обведет детей взглядом, нет ли среди вас того меня, маленького. Нет. Ну, я пошел.

Иногда спросит:

— Можно полепить?

— А вы знаете, дети, Гоша умеет играть на настоящей флейте. Сыграй, Гоша, а?

— Да нет, я лучше полеплю.— А сам мнет глину, мнет, мнет до тех пор, пока она не начнет крошиться.

— Гоша, а как ты в школе учишься?

— Да как? Иногда колы хватаю, иногда колы в кавычках.

— А с ребятами дерешься?

— Иногда дерусь…

Нормальный ребенок, зря мама опасалась, к девяти годам выровнялся, стал как все. Только карие глаза рассеянно глядят из-под длинных черных ресниц, как из-под навеса. Беспомощно озирается по сторонам, как бы спрашивая, а что же я искал?

— Что с тобой, Гош? — держу его за руки, руки холодные, потные.— Ты не болен?

— Я хочу снова стать маленьким, хочу, чтобы было, как тогда,— выпаливает на одном дыхании.

— А помнишь, ты мечтал скорее вырасти, чтобы тебе подарили настоящую флейту.

Гоша вертит флейту в руках, смотрит на нее, как бы оценивая — тот ли это предмет, достоин ли, чтобы ради него запродать детство? Почему Гоше хочется снова стать маленьким? «Маленьким» ему жилось нелегко: всего боялся, чуть что — в слезы. А теперь и флейта есть, и драться научился.

— А ну-ка, Гоша, послушай пластинку…

Медленно крутится диск, Гоша сидит рядом с проигрывателем, прижался спиной к батарее, как мама,

перебирает тонкими пальцами по столу, наигрывает. Глаза полузакрыты, как тогда, рот вытягивается в трубочку, тихое насвистывание сопровождает гитарную игру Франциско Гойи. Я выключаю проигрыватель, а мелодия длится, грустная-грустная мелодия, тогда она звучала иначе, скорее умиротворенно, чем печально. Но она звучит. Не утратив своей чистоты. Значит, не утратил ее и Гоша.

Эта история вышла такой длинной не потому, что Гоша мой любимчик, а о любимчиках в двух словах не скажешь. Я боюсь, что Гоше предстоит тяжелый путь профессионального обучения музыке, и путь не приобретений, а потерь. Этот путь начался на моих глазах, когда необыкновенно одаренный ребенок, занимаясь с бездарным педагогом (я уверена, что причина именно в этом), утерял любовь к музыке. Утерял? Нет, она продолжает жить в нем, в этом мы убедились, но она методично подавляется.

И дело тут не в одном педагоге. Многое сейчас делается для того, чтобы изменить систему преподавания. Создаются экспериментальные школы, где предметы искусства с младших классов преподаются специалистами, новые методики, ориентирующие детей на выражение своего отношения к миру, а не на бездушное отражение, копирование его.

Но таких школ пока еще немного. Талантливые педагоги — редкость. Педагогами (равно как и врачами) у нас становятся люди, удачно сдавшие при поступлении в вуз требуемые дисциплины. А это само по себе вовсе не является свидетельством их педагогических способностей. Возможно, они проявятся впоследствии. А возможно, и нет. Почему не ввести перед экзаменом «тест на профессию»? Сколько одаренных педагогов, отсеявшихся на вступительных экзаменах из-за нехватки балла, пришли бы к детям и сколько удачно сдавших — отсеялось?

И тогда, может, не сокрушались бы мы, взрослые, о том, что в детстве наши дети были такими талантливыми, а как пошли в школу, все куда-то испарилось, рассеялось?

Иные говорят: «Ничего, талант есть, пробьется! Трава, и та асфальт пробивает». Да, но для того, чтобы росла трава, никто не станет покрывать ее асфальтом! Чтобы расти, надо свободно дышать.

ДЕТСКАЯ ЛОГИКА

Детское мышление имеет свои законы. Мысль ребенка причудлива и легка. Он свободно сочетает далекие по смыслу предметы и идеи, с удовольствием перепутывает привычные функции и определения вещей, любит неожиданные перескоки с предмета на предмет, а то и просто ничем не мотивированные превращения одних предметов в другие.

Четырехлетний Миша К. на мою просьбу отыскать на столе среди всех предметов тот, которым забивают гвозди, ответил:

— Это молоток, но искать я его не буду, потому что молотком забивают гвозди, а у меня нет папы, а мама ничего не забивает.

Молоток для Миши впрямую ассоциируется с папой, а поскольку папы у него нет, то и молоток ему ненавистен. Спасибо Мише — разъяснил, а так бы заклеймили ребенка упрямцем.

Или вот такое высказывание четырехлетнего Вовы О., мальчика, знаменитого тем, что он два года лепил только рельефы, даже не рельефы, а рельефные лепешки, и достиг, кстати, на своем поприще больших успехов:

— Ведь у козлика есть рога. Я слеплю ему рога. Как же без рогов? Без рогов он как обычный человек без хвоста.

Какая тут логика? Я бы подумала, что это уникальное изречение уникального ребенка, если бы не услышала от другого четырехлетнего мальчика следующее:

— Воробьи едят-едят и становятся голубями, как толстый человек.

Вова О., маленький даже для своих четырех лет, бритоголовый, с чубчиком, поражал меня своей находчивостью, быстрым, ловким умом, логикой мышления.

Например, мы лепим птицу. Вовочка сделал очередную лепешку и сообщил, что у него готово.

— Что это? — спрашиваю.

— Яйцо. Птица еще не вылупилась.

Свои бесформенные лепешки он объясняет самым разумным образом:

— Это немецкий птенец. А узнайте эту птицу! — обращается он к детям.

— Таких птиц не бывает,— отвечают ему резонно.

— Это американская птица,— парирует Вова.— У нас такие не водятся. А вот другая американская птица,— бормочет он про себя.

Я предлагаю Вове поставить птицу на подставку, предлагаю умышленно. Вдруг до него дойдет, что это не рельеф, а круглая скульптура, нечто в трехмерном пространстве.

— Мне не надо подставку,— отказывается Вова.— Они летают, а не стоят.— С этими словами Вова ударом ладони влепляет американских и немецких птиц в доску.— Полетели! — машет он им рукой.

По мере того как Вова рос, его лепешки стали приобретать отчетливый контур, они сделались ажурными, легкими, как кружева. Трудно было поверить, что они из пластилина.

Хорошо, когда перед тобой Вова. Его не собьешь. Как мыслит, так и отображает, как ощущает, так и выражает. А переживет он плоскость, обратится к объему. Он не спешит, я его не подгоняю, потому что вижу прогресс в его методе.

КРАСОТА – КРИТЕРИЙ СВОБОДНОГО РЕБЕНКА

Для того, чтобы суметь прочесть текст, по меньшей мере требуется знание алфавита. Для того, чтобы «прочесть» рисунок или скульптуру, тоже необходимы определенные знания.

Что означают рисунки трехлетних детей? Они напоминают наскальные изображения по примитивности выразительных средств. Но кто способен расшифровать их? Ребенок проводит дрожащую линию, тычет грифелем в белый лист, ставит точку, закорючку, пытается соединить концы кривой линии в круг или в огурец, но рука его пока не слушается. Зачем он это делает? Родители смотрят на ребенка. Любопытные интересуются, что это он нарисовал, и ребенок с удовольствием рассказывает им целые истории про точки и закорючки.

«Надо бы его научить рисовать солнце, домик»,— решают взрослые, не понимая, что их ребенок создает графическую карту своего мира. Вместо того чтобы набраться терпения и проследить за этим свободным творческим процессом, попытаться разгадать его знаки, взрослые навязывают ребенку свой взрослый метод отображения внешнего мира. Ребенок с удовольствием обучается. И ликует, что у него получается похоже. Но на что похоже? На то внешнее, что он воспринимает иначе, чем взрослые (хотя бы потому, что он видит мир в другом ракурсе), а не на то внутреннее, что ему действительно присуще. Современный городской ребенок не видит вокруг себя таких домов, которые рисуют ему взрослые: квадрат, на квадрате треугольник, в квадрате два квадрата, поделенные на четыре части. Это схематическое, шаблонное представление, результат абстрагирования от реального дома, реальной действительности. Это «условность» взрослых, у детей она совсем иного плана. Действительность же детьми воспринимается не шаблонно, не упрощенно, чему свидетельством насыщенные композиции детских рисунков.

Как правило, дети стараются максимально заполнить пространство листа. Большинство из них сначала определяет на листе верх (небо) и низ (землю), а все остальное, что они хотят нарисовать, распределяют в данных пределах. Вероятно, так они и воспринимают мир, и это восприятие закрепляют в них взрослые.

Можно было бы на этом и остановиться. Но, наблюдая, как рисуют дети, я обнаружила в каждой группе двоих-троих детей,

для которых не существуют никакие пределы. Они свободно обращаются с листом, крутят его, прижимая пальцем к столу, они начинают с угла или с любой произвольной точки и все-таки приводят композицию к единству, что, кстати, удавалось только классикам, корифеям рисунка. Свободе композиционного решения только и учиться у детей. У тех самых, которые не ставят себе пределов, потому что они изображают свой внутренний мир, а не внешний. Но что такое внутренний мир? Он же не существует сам по себе, вне внешнего. Можно сказать, что и небо, и солнце, и земля присутствуют в их рисунках, но в том соотношении, как это существует в их душе, в их сознании в данный момент.

— Природа задумана по мелодии или по движению? — спросила меня как-то пытливая пятилетняя девочка Аля П. И ответила за меня:

— Конечно же, и по мелодии, и по движению. Мир-то один. Значит, в нем должно быть все сразу.

Детские работы — яркое свидетельство внутреннего состояния ребенка. Недаром психиатры используют их в своей врачебной практике. Но врачи, как правило, обращают внимание на грубые признаки — колорит (светлый, темный), композицию (с центром, без центра, сдвинутую в ту или иную сторону), направление литературного сюжета.

Мы же в основном имеем дело со здоровыми детьми, и нас интересует сама личность ребенка, а не проявления душевной болезни. Тут нужен другой подход, иной критерий оценки. Скажем, такая вещь, как единство, составленное из некоего множества компонентов. Как чувствует его ребенок, как выражает? Как определить качество детского рисунка? Или детской скульптуры? Они несут в себе определенную информацию. Но какую? Есть ли в ней художественное содержание? Ведь ребенок может обозначить: это дом, это забор, это птичка, и нам ясно. Он бы и словом смог передать то, что мы видим на листе. Или это изображение уже не просто символическое, знаковое, а содержит в себе то «нечто», что словами не выразишь, не исчерпаешь? Свидетельствует ли это о наличии особого дара в данной области? Или, наоборот, знаковое обозначение есть само по себе свидетельство отсутствия художественного дара?

Я не отношусь к детскому творчеству как к искусству. Не ставлю перед собой цели обучить детей различным художественным приемам. Заинтересуется ребенок самим предметом (в данном случае — лепкой), почувствует тягу к материалу — и технические навыки обогатятся сами собой.

Ребенок расписывает слепленную им из глины вазу. Водит старательно кисточкой и вдруг как бы нечаянно смазывает ребром ладони аккуратно наставленные разноцветные точки — и ваза оживает. Скучные точки слились в живописную полосу, нарушилась вялая симметрия, словно ребенок сознательно нашел единственно верный подход, чтобы вернуть вазе красоту. Получившаяся вдруг полоса сделала отчетливой затерянную в многочисленных точках форму, наиболее значимый в данном случае элемент.

Это сработала интуиция — одно из главных качеств творческой личности. Основа интуиции — свобода.

Таков ребенок, развивающийся «по природе», то есть в согласии со своей природно доброй и свободной сущностью. Его критерий в творчестве — красиво или некрасиво. Красиво не в том смысле, что зализано, приглажено и выражает положительные эмоции. Красота — это полнота самовыражения, и в то же время чувство меры, соразмерности.

Ребенок, постоянно встречающий на пути непонимание, может стать скованным, ограниченным в своем творчестве. Показывая свою работу, ребенок спросит: «Правильно или неправильно?» То есть соответствует указанному образцу или нет. Абстрактных, отвлеченных задач он, как правило, решать не умеет, зато под диктовку может сделать работу, вполне удовлетворяющую его, а главное, его родителей.

Такие дети — отрада воспитательницы в детском саду. Они послушные и исполнительные. Они уже знают, как правильно рисовать небо, как правильно по стадиям лепить зайца, петушка и т. п. Меня же они тревожат гораздо сильней, чем так называемые необучаемые. К ним непросто пробиться.

ЛУЧШЕ БЫ МЕШАЛА…

Из всех мест на земле Маше больше всего нравится место, где лежат ее вещи. Она нарисовала это место в виде арбузной дольки с семечками. А мама подписала под Машину диктовку: «Место, где лежат мои вещи, мне нравится больше всего на свете».

Детсадовская Маша в студию ходит второй год. Девочка с удлиненным, резко очерченным носом, с размытым обкусанным ртом, в вязаных рейтузах и в комбинезоне — весной и осенью.

Водит Машу мама — высокая женщина с такими же, как у Маши, крупными чертами лица. Пока Маша занимается, она пишет или реферирует какие-то статьи, сидя за столом в фойе школы. Ни разу за два года она не спросила меня о Маше, хотя ребенок у нее действительно трудный. Или ждет, что Маша с возрастом сама по себе выровняется, или просто считает достаточным посещение Машей занятий?

Кончается урок, Маша сама выходит из класса с коробкой пластилина, иногда она не дожидается конца, встает посредине занятий и идет к двери. Я не спрашиваю Машу ни о чем, и мама не интересуется, почему Маша ушла не вовремя. Словно мы установили с Машиной мамой какой-то негласный режим для Маши, и каждый из нас, не сговариваясь, его придерживается.

Что же тогда тревожит меня в этой девочке, если мама и та не тревожится?

Маша как раз вполне обучаема. В меру возможностей она справляется с любым заданием: конкретным и абстрактным. Человек у нее обозначается четырьмя слепленными между собой кусками пластилина с вставленным внутрь шариком, животное — также, плюс хвост — пятый кусок. Логично. Так же условны предметы на ее рисунках. Я понимаю, кого и что Маша имеет в виду, и этого на данном этапе как будто достаточно.

О том, чтобы улучшить вылепленную работу, не может быть и речи. Маша закрывает ее от меня ладонью и говорит

— Пусть так.

А то небрежно потыкает пальцем глину и собирается уходить — надоело. Или сидит, наморщив недовольно нос, и ждет, когда все кончится. Она не разговаривает с детьми, не бегает с ними по фойе в интервалах между занятиями. Высокая, выше всех в группе, она самая маленькая по возрасту. В прошлом году Машу водили в одну и ту же группу, а в этом году мама приводит Машу, когда ей удобно, в любую группу, и девочка даже не обращает внимания, кто вокруг нее. А ведь дети остро реагируют на перемену состава группы. Часто они плачут, когда их по каким-то причинам переводят из одной группы в другую.

Странная и речь у Маши — резкая, отрывистая, так и слышится в тоне: отвяжитесь от меня.

Спрашиваю у Машиной мамы, какой предмет Маше нравится в школе.

— Лепка,— отвечает.

— Лепка? — переспрашиваю я. Или я ослышалась, или мама мне льстит, но если действительно так и есть, то какова же она на других занятиях? Но Машина мама подтверждает сказанное. Спрашиваю преподавателей, как занимается Маша.

— Да никак,— отвечают.— Благо, не мешает никому. Сидит себе помалкивает.

Лучше бы мешала…

На ребенка, посещающего детский сад и работающего свободно, нешаблонно мыслящего, я смотрю как на чудо. Значит, или индивидуальность так ярка, что даже в саду, на занятиях ребенка не смогли научить, или воспитательница настолько

далека от искусства, что и не вмешивается: лишь бы тихо сидели. Или, редчайший вариант, воспитательница настолько чутка к красоте, что без всякого специального образования дает верные советы детям.

ОДАРЕННЫЕ ДЕТИ

Родители постоянно спрашивают меня, талантлив ли их ребенок. Я отвечаю односложно: «Все дети талантливы». «Но не могут же они быть равно талантливыми во всем? Например, мой ребенок не любит музыкальных занятий, а другого не затащишь на живопись».

Я думаю, что здесь дело не в предмете, а в человеке, который этот предмет раскрывает детям. Я не верю, что ребенок может быть от природы невосприимчив к какому-то виду искусства. Скорее всего, к нему не нашли подхода. Не поняли основного — его индивидуального аппарата восприятия.

Однако существуют дети, склонности которых к определенному предмету очевидны уже в раннем детстве. В какой-то области они самовыражаются наиболее полным образом.

И наконец, редчайшие случаи. Дети, четко и однозначно выбравшие свою сферу максимального, абсолютного самовыражения. Такие дети от природы владеют собственными выразительными и изобразительными средствами.

Достаточно обратиться к биографиям великих людей, чтобы увидеть, как происходило их становление. Они уже с детства являлись личностями, ведущими самостоятельный поиск в области средств самораскрытия. Они жили в атмосфере этого поиска.

За время работы с детьми я увидела двоих явно одаренных в области изобразительного искусства. Станут ли они художниками?

ЧЕЛОВЕК ВИДИТ ВЕСЬ МИР

Илюша М. уже учится во втором классе английской спецшколы. Лепкой он больше не занимается — негде. Художественное отделение при Химкинской школе искусства набирает детей, начиная с одиннадцати лет, так что четыре года после студии дети, желающие рисовать и лепить, предоставлены сами себе.

Изредка, когда уж очень соскучится, Илюша меня навещает. Он сам приезжает в школу с Левобережной, боюсь, что тайком от мамы, которая на Илюшину страсть к лепке особого внимания не обращает.

— Если бы вы знали, как трудно себя вести! — жалуется он простодушно.— И хочется на перемене тихо ходить, а что-то внутри подсказывает: подставь, подставь подножку…

Пятилетний мальчик, от которого никому не было спасу, стал первым покоренным ребенком в моей жизни. В клетчатой рубашке с закатанными рукавами, в протертых на коленях байковых штанах, с крупным передним зубом, рассеченным по диагонали, этот мальчик резко выделялся среди детей его группы. Прибавьте к этому руку на перевязи («доставал маме муку с антресолей и упал») и вторую, которой он скатывал шарики и пулял ими в стены во время занятий в течение продолжительного времени, и пожалейте педагога. Дети и те жалели:

— Он всегда балуется, не обращайте на него внимания,— говорили они,— вот если маму вызвать на урок, тогда он тихо сидит. А сестру он не боится. Вот позовите его маму!

Но маму я решила не звать, а детей попросила не кляузничать. Как-то раз я пригласила Илюшину группу после занятий строить из снега волшебный город. Тут-то Илюша и показал себя. Целых два месяца бедняга крепился и не лепил, оказывается, потому, что ему нравилась прежняя преподавательница по лепке. Она ушла, а другую он принимать не хотел. Размашистый мальчик на моих глазах превратился в четкого умелого мастера. Ни одного лишнего движения, ни одного ненужного жеста, каждое прикосновение к материалу (в данном случае к снегу) художественно осмысленно. Он обходил едва начатое сооружение вокруг с видом все знающего наперед творца. Подрагивали на ветру обмахрившиеся завязки ушанки, Илюша шмыгал носом и смачно проводил под ним рукой в лангетке, как ножовкой.

С этого дня он стал неузнаваемым, то есть самим собой. Тем Илюшей, которого я дотоле не знала, и знакомство с которым составило для меня счастье.

Сосредоточенно смотрел он в ведро с глиной, прикидывая, сколько понадобится для задуманной скульптуры, прокладывал основательный постамент и только потом принимался за главное. Поразительно, как он слушал мои советы или замечания, касающиеся его работы, и если соглашался, то легко перестраивал композицию. Особенно это касалось движения, передать которое он стремился в каждой работе, но пока еще не всегда мог. Часто я забывала, что передо мной маленький ребенок, завораживало его недетское внимание к самым разным аспектам нашего дела: он пытался самостоятельно разобраться в человеческих пропорциях, в структуре рельефа, он даже умел передавать три плана в рельефе, что детям обычно не под силу, решал такие пластические задачи, как передачу состояния в позе и т. д.

Он сбегал на лепку почти со всех уроков, и ни сестра, ни даже строгая мама ничего не могли с ним поделать. «Нравится, так пусть,— махнула рукой строгая мама,— поиграет перед школой».

Последнюю работу, которую он вылепил при мне, уже будучи второклассником, Илюша назвал так: «Человек видит весь мир». Мальчик сидит на пригорке, опершись на прямые руки и согнув одну ногу в колене — свободная, пластичная постановка с нюансом в Илюшином духе: у мальчика лицо с четырех сторон — уши одного являются носом другого. Когда смотришь на скульптуру анфас, то нюанса этого не заметно, разве что уши чересчур оттопырены, как и у самого автора.

— Во все стороны смотрит, так-то вот,— гордился Илюша работой.— У вас бы на лепке я бы целый день сидел. А в школе да на английском! Говорят, что меня выгонят за неуспеваемость,— мечтательно сообщил он,— вот хорошо будет! Тогда вместо этого английского буду на лепку ездить. А вы попросите мою маму, она вас послушает.

Так и не удалось мне уговорить маму — видно, она строго-настрого запретила мальчику ездить на лепку. Парадокс: ребенок всем своим существованием дает понять родителям, чего он сам лично хочет. А родители делают с ним то, что хотят сами. Вот и все. Глухая стена. Остается надеяться, что то упорство, с которым Илюша два первых месяца бойкотировал мои уроки, он употребит на то, чтобы отстоять свой дар. Вопреки взрослым, не желающим обращать на него внимания.

ПРИТЧА О ЛЯГУШКЕ

Если у Илюши М. врожденное чувство пластики, абсолютный слух «на форму», то у Оли В. столь же абсолютное чувство линии, практически не свойственное детям. Ее рисунки динамичные не за счет композиции, а за счет самой линии. Пользуясь богатством градаций простого карандаша, девочка создает динамичный музыкальный рисунок. У нее «поставлена рука», хотя никто ей руку не ставил.

Я спросила у Олиной мамы, показывал ли Оле кто-нибудь из взрослых, как нарисовать фигуру в профиль, как нарисовать кисть руки в различных поворотах, уходящую фигуру, фигуру со спины, где – в соответствии с законом перспективы выступающая нога чуть короче другой и рука дана в верном перспективном сокращении. Нет, никто ей этого не показывал. Значит, дело в уникальной наблюдательности. Но мало наблюдать. Надо суметь изобразить увиденное.

Милая застенчивая мама, она краснеет, когда я расхваливаю Олю. «Дети все хорошо рисуют»,— говорит она. И верно. Но Оля рисует не как ребенок, а как зрелый мастер.

Болезненная девочка, руки как в рыбьей чешуе, коротко остриженная голова в струпьях от диатеза. Она немногословна, но в ее лучистых глазах отражается все. Глядя на нее, вспоминаю княжну Волконскую, которую можно было бы назвать дурнушкой, если бы не глаза, излучающие любовь.

Оля никогда не комментирует свои работы. То, что выходит из-под карандаша, не вмещается в слово. Ее язык — не речь, а линия.

Поэтика ее рисунка — жест. При помощи жеста она создает характеры. Рука отставлена, ладонь стоит перпендикулярно, каждый палец вырисован, но ладонь смотрится цельно, как на японских гравюрах, которых она в жизни не видела, это означает: не надо, не прикасайся, не тронь. Отстранение. Лицо в заштрихованной темной вуали — злодейка. Склоненная в профиль голова — от глаз вертикальные капли — слеза к слезе — горе. Фронтальная фигура, лицо анфас, руки согнуты в локтях, ладонями наружу — удивление. Лицо закрыто крест-накрест руками — отчаяние. Полуприкрытые ресницами глаза, фигура, плывущая в танце,— радость, счастье.

Оля мечтает стать балериной. Танец — ее стихия. Отсюда и ритмичность, музыкальность самой линии. Дети часто изображают танец. В обычном детском рисунке фигуры танцующих статичны. Фигуры прямые, с раздвинутыми циркулем ногами, стоят, взявшись за руки. Они динамичны относительно самого пространства, динамичны яркие цветовые пятна, но сами танцующие — истуканы.

Оля редко и чрезвычайно деликатно вводит цвет в рисунок. Зато часто на одном и том же листе соседствуют линии карандашные с фломастерными и шариковыми. Черный фломастер, простой карандаш и шариковая ручка — вот инструменты ее ансамбля. Иногда кажется, что она рисует чем попало и на чем попало. Однако, рассматривая кипы ее работ, поражаешься тому, насколько все, что она делает, художественно осмысленно. Оказывается, что с помощью этих, на первый взгляд мало сочетающихся инструментов она создает фактуру. Черная фломастерная линия, не передающая такого богатства линейной градации, как мягкий простой карандаш, символизирует чернь, «плохость», отрицательность изображаемого персонажа. Шариковая ручка передает индифферентность художницы к предмету изображения. Ею рисуется фон и второстепенные предметы. Карандашом выполняются любимые персонажи. Певучая линия, пластичность и подвижность добродетельных натур. Все ее сказки в рисунках (кипы школьных тетрадей в линейку) посвящены главной теме — борьбе добра со злом.

Графически это выражается так — карандашная линия постепенно вытесняет фломастерную, и в финале, на последних листах она исчезает. Добро торжествует. К ее сказкам не требуется объяснительный текст. За каждым персонажем закреплен жест, жест передан линией, линия выразительна за счет разнообразной фактуры, фактура же создается разными уровнями градации карандаша, ручки и фломастера.

Оля с одинаковой свободой изображает как реальный мир, так и вымышленный. Но что самое главное, она живет в реальном, а не в вымышленном мире. Все ее работы имеют реальный повод. Интерес к прическам, умение передать в движении пряди волос, динамику, характер и настроение всей фигуры — это умение выстраданное. Оля мечтает о длинных волосах, а сама острижена почти что наголо. Поэтому-то прическа становится одной из главных характеристик персонажа. Она мечтает стать прекрасной балериной и создает сказку, в которой уродливая лягушка становится прекрасной. Не превращается в царевну, а преображается, оставаясь сама собой.

Как развивается литературный сюжет этой истории? Лягушка встречается с разными персонажами, и каждый возбуждает в ней зависть и желание иметь то, чего у нее нет. Длинноногая цапля. Ах, как мне бы хотелось иметь такие ноги. И вот мы видим лягушку на «цапличьих» ногах. Нет, не подходит. Длинношеий жираф — вот бы мне такую шею. Оля примеряет лягушке жирафью шею — нет, она смешна. Мышь с тонким извилистым хвостом. Ах, наверное, все дело в хвосте. «Но с таким хвостом я похожа на ящерицу!» (Поразительный штриховой рисунок, где уловлен самый момент перехода одного животного в другое.) Двадцать две страницы крушения лягушкиных надежд на красоту, и вот две последние. Встреча с плавающими утятами и их мамой-уткой. А что, если мне умыться! Если на предыдущих листах лягушка нарисована жирной карандашной линией (черная фломастерная в этой истории не присутствует — лягушка борется не с внешним злом, а сама с собой, со своей изматывающей завистью к тому, чего ей не дано природой), то на предпоследнего линия бледнеет, сходя на нет, лягушка становится чистой, почти прозрачной. Она вяжет себе пушистый свитер из утячьего пуха, который ей подарила улыбчивая мама-утка. И вот наша героин, чистая, умытая, наряженная в пушистую кофту, наконец чувствует себя счастливой.

Эту историю я назвала бы притчей. Путь преображения лягушки — это путь самой Оли. И она вместе со своим персонажем проделала этот путь, как мудрый творец, для которого искусство — прежде всего способ самоочищения. И

очищение это приходит через переживание, катарсис.

Катарсис — это как раз то, что в принципе не может быть в детском творчестве. Хотя «взрослое» и «детское» творчество развивается по одним и тем же универсальным законам — законам гармонии, красоты.

Для «обычных» необыкновенных детей искусство — это способ, средство познания мира. Для детей художественно одаренных оно является и средством, и целью одновременно. Их собственные переживания становятся материалом для художественного выражения. Для таких детей характерно умение видеть себя со стороны, умение отстраниться и посмотреть на изображаемый ими предмет объективно.

Одаренные дети рисуют и лепят не потому, что им нравится педагог, а потому, что им нравится рисовать и лепить.

С обычными «необыкновенными» детьми дело обстоит иначе. Здесь от педагога зависит много, если даже не все. Если он сумеет влюбить ребенка в свой предмет, то ребенок, движимый одной только любовью, может раскрыться как творец. Он себя обнаружит, как Дюймовочка, внезапно открывающаяся нашему взору в миг, когда лилия растворила свои лепестки.

ДЯДЯ, СНИМИТЕ ОЧКИ!

— Слушайте, вы тут учительница? — Толстая седая старуха пробирается ко мне, отпихивая в сторону детей и родителей.— Скажите ей, если она не наденет их, я ее водить не буду. – Старуха подталкивает ко мне рыжую девочку лет пяти. Девочка. молча стоит передо мной, склонив набок голову, зрачок левого глаза уплыл вглубь, за ширму-переносицу.

— Ей без очков нельзя, залепила ей глаз, она пластырь содрала!

— Идите, я сама разберусь,— успокаиваю я бабушку, но она не успокаивается.

— С ней разберешься! Это не ребенок, а изверг какой-то! Хочешь как лучше, для нее стараешься…

Девочка, в черном рабочем халатике, в рыжих, как ее голова, рейтузах, сосборенных на коленях, молча кусает губы, трет крошечными пальчиками дужки торчащих из кармана очков. Она пережидает, когда все это кончится: бабушкина речь, чужие дети, чужие взрослые…

Наконец взрослые покидают класс, уводят с собой шумную бабушку.

— Как тебя зовут? — спрашиваю рыженькую, усаживая ее на лавку рядом с детьми.

— Надя,— выдыхает.

— А где твой пластилин?

— Нету.

— А что ты умеешь лепить?

— Ничего.

Я выбегаю из класса, отыскиваю в родительской толпе очкастого папу.

— Дети, посмотрите, правда красивый дядя!

— Красивый,— соглашаются.

— А теперь снимите очки.

Дядя послушно снимает очки, смотрит на нас близоруким беспомощным взглядом.

— Бедный дядя, как ему плохо без очков! Наденьте, наденьте сейчас же! А теперь дядя снова красивый, правда?

Надя достает очки из кармана.

— Большое спасибо,— благодарю я дядю,— вы знаете, мечтаю об очках. Попросила доктора прописать мне их, а он сказал, что это надо заслужить, очки выдаются только заслуженным.

Надя водружает очки на нос-кнопку, победоносно оглядывает детей — она заслужила право носить толстые стеклянные линзы.

Бывают дети, с первого взгляда западающие в душу. Еще ничего не знаешь о них, а какая-то теплая волна захлестывает, прибивает к их берегу. Это встреча. Встреча, которая что-то сулит обеим.

— Надя у нас, это я вам скажу по секрету, чтобы между нами, раз уж вы нашли к ней подход…— Бабушка тяжело дышит, распухшая от болезни, она похожа на бегемота, лишенного природной среды обитания.— Растет без отца, без матери, все на моих руках.— Бабушка показывает мне свои вздутые водянистые пальцы.— Отца мы не видали, а мать из тюрьмы не выходит. А теперь вот с этими очками! Один глаз у нее совсем слабый, а другой получше. Прописали его пластырем заклеивать, так с этим пластырем, мама родная! Я вам в другой раз принесу, может, вы ей заклеите.

Надя трется подбородком о мой бок, видно, не первый раз выслушивает эту историю. А я думаю: забрать бы к себе эту рыжую девочку навсегда. Такие мысли посещают, когда видишь бездомных животных, — благие намерения, неосуществимые в нашей жизни. Почему неосуществимые? Почему? Корчак с чужими детьми отправился в газовую камеру, а мы чужих к себе в дом принять не можем, слова изобретаем: большая ответственность; подвиг не по силам и т. д. и т. п.

— Я ее в интернат сдам, маленько только глаза подправлю. Сейчас-то куда ее, на английский?

Бабушка берет Надю за руку, та упирается, не хочет на

английский. Смотрит на меня, увлекаемая бабушкой, смотрит так, что мне делается стыдно. Но отчего? В чем моя вина?

— Урок, между прочим, начался, а вы не идете,— говорит мне суровая родительница.— Все дети одинаковые, а если это ваша знакомая, занимайтесь с ней в нерабочее время.

Интересно, чья это мама? Разглядываю детей, пытаясь отыскать ребенка, похожего на эту женщину. Все такие милые…

За окном ураган, ветер сшибает с деревьев последние листья, гонит темные облака.

В дверном стекле — рыжая голова. Надя сбежала с английского. Раскрываю перед ней дверь, иди, лепи.

Надя садится за стол. Подперев подбородок ладонями, смотрит на меня, как прирученный зверек на своего хозяина.

—Туда нельзя,— слышу я голос суровой мамаши,— это вам не проходной двор, а студия эстетического воспитания!

— Да нужна нам эта студия! — кричит Надина бабушка.

— Вот и не водите, только других отвлекаете. Английский сорвали, теперь нашей группе лепку срываете. Это на каком таком основании ваша девочка вперлась в нашу группу? Везде блат.

Не слышать бы их!

Низко склонив голову над столом, Надя мнет пластилин. Мнет и рассматривает, что получилось. «Вот кошка, нет не кошка, это девочка: ма-аленькая Дюймовочка…» |

Кажется, она не слышит, о чем говорим, все силы тратит на то, чтобы разглядеть мелкие формы. И все-таки до ее слуха донеслось, что мы лепим Дюймовочку, вот она и вклепалась в нее носом. Знала бы, что Надя сбежит с английского, придумала бы «великанскую» тему.

— Кто же тебя научил лепить? — спрашиваю.

— Вы,— выдыхает. У нее вся речь на выдохе. Так посмотреть, девочка не хуже других — плотненькая, румяная, разве что косенькая да губы грызет.

Оставшиеся четыре занятия просидела у меня в классе. Как бабушка ни увещевала ее, что деньги плачены за все, а она только лепит, и музыкальные пропустила, и английский, такие же важные предметы для развития,— Надя молчит, губы сжаты, мол, не приставай ко мне.

— А где вы живете? — спрашивает, видя, как я спешно убираю класс после уроков, значит, ухожу, а куда, далеко от нее или нет?

— Да тут рядом.

— А это все ваши ученики слепили, дети? — рассматривает скульптуры на полках.

— Да.

— И я так смогу?

— Да.

— А завтра будет?

Забрасывает меня вопросами, я отвечаю односложно; спешу к своим детям. Приручила ребенка с ходу, теперь устанавливаю инстанцию. Подло, по-взрослому подло действую, но Надя не замечает холода в голосе. Смотрит на меня не отрываясь, влюбленным взглядом. Вот оно — бремя любви. Его несет тот, кого любят. Позорные мысли, мне стыдно, но я не могу побороть инерцию, не могу перестать спешить — ведь меня ждут мои собственные дети. Своя рубашка ближе к телу. К телу, заметьте. А к душе? Душа-то какой мерой мерит: свое — чужое? Нет, что-то не так в нашем мире, больно отзывается во мне собственная черствость, больно, но инерция сильней.

Закрываю класс на ключ, буквально силой выставляю Надю с бабушкой и уже на бегу машу «Привет, до субботы!».

В субботу Надя не пришла. И на следующей неделе не пришла. Да что ж такое, зачем я себя наказала, почему не сказала бабушке: «Обязательно приводите Надю, не думайте вы о деньгах, я бесплатно буду с ней заниматься, только приведите!»

Не сказала — теперь скажу. Роюсь в анкетах. А вот и Надина, с двумя прочерками в графе «родители» и бабушкиной подписью:

«Я такая-то, такая-то, обязуюсь ежемесячно вносить плату за обучение в размере 12 рублей». Телефон дан соседский.

Соседка подозвала бабушку к телефону.

— Болеем мы, болеем,— говорит, да не верится.

— Приводите Надю только ко мне, бесплатно. Она способная (какая она способная, но любой бабушке лестно, что ее внучка способная), ей необходимо заниматься для зрения.

— Спасибо вам. Я вас отблагодарю, колбаски подкину хорошенькой.

— Ничего мне от вас не надо! — кричу на старуху.— Приводите сегодня же!

Ровно через час бежит ко мне рыженькая, у самых ног роняет коробку с пластилином.

Ползаем с ней по полу, сбираем брикеты в коробку. Надя пыхтит, личико близко-близко к моему, сквозь нежную розовую кожу проглядывают погасшие за осень веснушки, карие глаза блестят сквозь толстые стекла очков, такая жалость своими руками заклеивать один из мерцающих огней, но надо…

— А вы сами мне будете заклеивать? — угадала мои мысли, — Сейчас?

Послушно подставляет личико, следит косым глазом за тем,

как я обрезаю пластырь.

— А вы далеко живете? — Бедная, видит меня и боится потерять.— А кто вас учил лепить? — спрашивает, сама прилаживая глаз к белому непрозрачному овалу, старается облегчить мне работу.

— У меня тоже была учительница, и мы с ней до сих пор дружим. Часто встречаемся.

Улыбается счастливой улыбкой (а глаз-то залеплен, непривычно, противно, мешает ей эта блямба), какую радужную перспективу я перед ней открыла — дружить всю жизнь!

— А когда будет можно, вы сами это отлепите, да?

— Конечно. Ну пошли заниматься.

В те дни, когда я работала, бабушка приводила Надю в 10, а уводила в два часа дня. Группы сменяли одна другую, менялись занятия, дети, а Надя все сидела, низко склонившись над своей работой, лепила, рисовала, то и дело поглядывая на меня.

Убедившись, что я здесь, с ней, что я о ней не забыла, Надя утыкалась в работу. Ей было все равно что делать. Если бы я занималась сборкой электросхем, Надя с таким же усердием собирала бы электросхемы. Так я думала тогда, склонная к поспешным умозаключениям. Дети, к счастью, мощные разбиватели всяческих наших «устойчивых» представлений.

Целую вечность сидит иной ребенок над куском глины и ничего не может извлечь из материала. Мысленно ты поставил на нем крест, а он возьми да и выдай шедевр. Словно месяцами он не мог сдвинуть тяжеленный камень с места, а в какой-то миг камень сам поддался, без всяких усилий со стороны ребенка.

Все дети лепят лебедей — это легко. Вытянул из бесформенного куска шею, загнул крючком конец — и готово.

Но Надя на этом не остановилась. Она подставила под птицу высокую пирамиду, водрузила на нее лебедя под углом плоскости, расправила ему крылья, стрелой выгнула ему шею — он воспарил. Она нашла верное соотношение между массой птицы и углом наклона, недаром ей понадобилась пирамида как бы удержалась глиняная птица в такой позе, не будь под ней подпорки.

Лебедь воспарил и замер.

До сих пор он пытается взлететь с подвесной полки.

Узнает ли когда-нибудь Надя, почему нас с ней разлучили?

А вот почему. Нашлись родители, которым не понравилось «особое» положение Нади. Почему ей делают исключение? Почему она ходит только на лепку, занимается с разными группами? Придрались к тому, что бабушка вовремя не заплатила по квитанции. И готова жалоба, быстро достигшая цели,— Нади в

студии не стало.

Как объяснить родителям, что среди детей нет исключений поскольку каждый из них исключение.

Мало кто обращает внимание на Надиного лебедя. Среди детских работ есть творения и впрямь поразительные, а лебедь известно, птица избитая.

Знали бы вы, что это за девочка! Рыженькая, косенькая, здоровый глаз залеплен пластырем, девочка, которой двигала одна любовь, любовь, и ничего больше — руки слабые, не видит, куда палец ткнуть, воображение среднее, никаких «перлов», оригинальных высказываний. Стоит, бывало, выкатив пузо вперед, стоптанные ботинки носками внутрь, и смотрит, задрав рыжую голову, смотрит молча прямо тебе в глаза, а в косящем вглубь глазе такая мольба — мы еще встретимся, мы не потеряемся и будем, как вы со своей учительницей (которую я, увы выдумала), дружить всегда-всегда…

А выходит, обманула я ребенка. Где ему понимать про всякие жалобы? Была я – и нет меня. Значит, обманула. Так же как и про учительницу. Хоть бы телефон сообразила переписать той соседки, да не до того было тогда. А должно было быть до того.

И вот жизнь дарит последний шанс. Воспользуйся! Она, Надина бабушка, стоит с мешком творога в очереди в кассу. Торговый работник — а стоит в очереди. А может, приврала она про торговлю? Я на нее не в обиде. Я готова броситься к ней, обнять ее грузные распухшие плечи, ведь она протянула мне конец нити, надежду вновь увидеть Надю.

Она меня не признала. Я напомнила ей о студии.

— А,— махнула рукой,— лучше б вас и не было. Сколько слез пролито, сколько подушек заревано, а ей надо нервы беречь. Нервы с глазами связаны.

— Приходите с Надей ко мне. Просто домой приходите. Вот вам адрес, телефон, в любое время, пожалуйста.

Бабушка кивнула. Но этот кивок ничего не означал. А я опять спешила. Забирать сына из школы. Первые дни, растеряется, что меня нет, расплачется. А сын-то мой! Мне его жалко.

Бабушкин путь в другую сторону.

— А вы далеко отсюда живете? — Задаю поспешно вопрос, и как иглой пронзает: «Вопрос-то — тот, Надин!»

Ничего не ответила, махнула рукой, мол, какая вам разница.

— Я бы к вам заглянула, позанималась бы с Надей,— уже навязываюсь сама.

— Нечего ребенка бередить,— бормочет,— для вас — поиграли и бросили, а для нее ведь пытка какая! Ладно, не болейте там!

…Прошло пять лет. И до сих пор, как завижу в толпе рыжую головку, так и припущусь за ней. И замедляю шаг. Видно, не права была я, когда думала, что бремя любви несет тот, кого любят. Его несет и тот, кто любит. Несовпадение — только во времени, а осознание — с утратой. Такая математика.

«ТРУДНЫЕ» ДЕТИ ИЛИ ТРУДНЫЕ ВЗРОСЛЫЕ?

В анкете, которую мы провели для родителей, был такой вопрос: «Считаете ли вы своего ребенка трудным? Если да, то почему?»

Только пять процентов родителей считают своего ребенка трудным, и лишь один родитель смог объяснить, почему он так считает. Анкета была анонимная, так что я не знаю, какой именно ребенок имелся в виду, но я вижу гораздо больше трудных детей, чем показывают результаты анкеты. То, что я понимаю под «трудными» детьми, не совпадает с тем, как это понимают родители.

Трудный ребенок, на мой взгляд, это тот, у кого прервано нормальное общение с миром — общение на основе любви. Словно разомкнулась цепь, по которой, подобно току, струилась любовь, и, чтобы помочь такому ребенку, надо сначала обнаружить место разрыва. И только потом осторожно внедряться в этот уже не по-детски тревожный мир.

Довольно часто от такого ребенка удается добиться результата. Но это чисто формальный, внешний успех. Вспомним молчаливую Настю, Машу, Вадима! Они выполняли почти все задания, работали вместе с остальными детьми. Но как! Они словно угождали взрослым, взамен получая патент на собственную свободу. «Мы все сделаем, только отстаньте!» — вот что говорят их глаза.

Детское сознание гибко, мобильно. Опасно злоупотреблять этим качеством, требуя от детей работы на публику. Мы, взрослые, в лучшем случае получим механическое, внешнее знание, в худшем — воспитаем показушников, людей с двойной моралью, а значит — без морали.

Есть, правда, «непереключаемые» дети, которых зачастую считают трудными. Противостоя требованиям взрослых, они упорно продолжают делать свое. Таких поначалу не удается вовлечь в общую игру, они настолько переполнены собой, то есть своими фантазиями, мыслями и идеями, что просто не в силах вникнуть, они начинают работать вместе со всеми, но фантазия уносит их. Этой мощной стихии они полностью подвластны. И вот из заданной черепахи получается стол на ножках, из стола – дракон, из дракона — злое чудовище с выдуманным на ходу именем Бердоклыч и т. д. Это наиболее распространенный и

описанный в классической детской литературе тип детей. С возрастом они угомонятся, фантазия входит в берега — и они становятся вполне обычными школьниками с хорошей успеваемостью.

Часто такая трансформация происходит прямо на ваших глазах. И связана она с приобретением навыков, овладением другими, неречевыми средствами изображения и выражения.

Андрюша Ш., трех лет с половиной, кто изобрел чудовище с названием Бердоклыч, почувствовал материал, стал довольно бойко лепить, и теперь ему не приходится изощряться в оправдании и назывании своих скульптур. Он свободно обращается с материалом, чем сам потрясен в первую очередь — тут сразу появилась и усидчивость, и направленное внимание. А ведь в начале года я опасалась, что не вынесу присутствия этого безудержного болтуна в группе, считала, что с ним нужно заниматься индивидуально, тет-а-тет.

В этой категории неуправляемых, необучаемых есть, однако, другие, такие, как упоминавшийся Вова О., который самозабвенно создает «лепешечные» рельефы и упорно не признает трехмерного мира или такие, как пятилетняя Таня Г., которая лепит одних принцесс и красавиц.

Мама Тани Г. недовольна тем, что делает Таня. Она отдала Таню в школу с единственной целью — приучить ее к коллективу, к дисциплине. Девочка в раннем возрасте перенесла тяжелую полостную операцию, долго болела. На вид она весьма странная: ходит как-то боком, правое плечо приподнято, чуть косолапит, передние зубы выпали, густая челка прикрывает брови, иголками свисает над верхними веками. Девочка-старушка. И вот такой нескладный ребенок лепит одних принцесс. Что бы мы ни делали, в какую игру ни играли. Таня при сем присутствует, а лепит свое. Это-то и вызывает недовольство мамы, она требует, чтобы я была с Таней построже, жалуется, что на всех предметах Таня выполняет задания, а только у меня делает что хочет. А хочет Таня одного: рисовать и лепить принцесс, красавиц. Потому что сама не принцесса, не красавица. Я ее прекрасно понимаю. Все, что в данном случае я могу сделать, это на принцессах показать Тане премудрости скульптуры: пластику, динамику, композицию и т. д. Таня прекрасно все схватывает. Чем глубже она проникает в предмет, тем более недовольства выказывает мама. Уставшая, измученная Таниными недугами, не в силах она примириться с тем, что дочь не подходит под стереотип. И видит — непростой ребенок, даже внешне отличается от большинства детей, а хочет, чтобы была как все. Она исходит не из того, какова Таня, а из того общего представления о том, какие должны быть дети в

Танином возрасте. Боюсь, что и ее Таню будет ждать нелегкая, конфликтная жизнь, а потом финал: «Я все для нее делала, все отдавала, а она!..»

Подобные Вовы и Тани очень трудны в обучении. Их не свернешь. Они так любят свое, что не в силах по желанию взрослых полюбить другое. Они глубоко погружены в предмет своей страсти, а их родители, вместо того чтобы попробовать вникнуть в предмет их страсти, впадают в панику и умоляют срочно перевоспитать «упрямого», по их мнению, ребенка. В чем же корни этого «упрямства»? Мне кажется, дело в том, что ребенок еще не умеет отстаивать себя, объяснять доступными взрослым способами, чего он хочет. И когда, так и не разобравшись в этом, родители «ломают» ребенка, они порождают в нем упрямство. Порой на всю жизнь.

Упрямец и конформист — две жертвы «непонимающе-активного» воспитания. Как быть с ними?

ПЕТЯ-ХОККЕИСТ И «ВЕЛЬВЕТОВЫЕ»

Петю Л., любителя хоккея и сына хоккеиста, решили «эстетически» воспитать. Приводила его мама прямо из детского сада. Мальчику, которому по его природе надо было бы по десять часов гонять в хоккей, кататься на лыжах, да и просто бегать без всякого смысла, ибо двигательная энергия его была неукротима, приходилось заниматься малоподвижными предметами: живописью, английским, математикой и лепкой. Только на музыкальных занятиях он оживал. Да и то ненадолго, на время игры в мяч. Остальное время он всем мешал, ругался, как ругаются старшие мальчишки во дворе, с которыми он играет в хоккей. Что делать? Я-то нашла выход: задавала ему лепить клюшки, ворота, хоккеистов, и он сидел себе спокойно, забывшись в тяжелом сне бессмысленной, на его взгляд, деятельности. И что же? Мама была недовольна. Все делают одно, а Петя другое.

— Вы с ним построже,— наказывала она мне.— Вы с ним все время шутите, а мой Петя шуток не понимает. Мы дома не шутим. Стоит с ним пошутить, он тут же на голову садится. Надо будет его потом на музыку отдать, чтобы поменьше свободного времени оставалось.

Интересы Пети никак не культивируются в семье. Может, у папы не удалась хоккейная карьера, и он ни за что на свете не хочет, чтобы Петя шел по его стопам. Или, сами не обладая общей культурой, они мечтают, чтобы Петя стал всесторонне развитым? Для этого существует студия. И вот мучают ребенка! Копится в Пете разрушительная энергия, пулей вылетает он из класса и носится по фойе, пока какая-нибудь строгая преподавательница

не возьмет его за руку и не внушит, что в школе так себя вести нельзя. А скажи я маме: не мучайте мальчика, успеет он еще «образоваться», нельзя насильно «привить культуру», должны быть и у ребенка предпосылки к этому — обидится. «Все ходят, все водят, что мой Петя хуже всех? А как он тогда в школе будет учиться?»

Сколько детей уже в таком раннем возрасте закомплексованы. Неуверенность, нытье, ребенок еще и не пробовал взяться за задание, а уже — в слезы: «Не умею, не получится, не буду, лучше шарик сделаю…»

Детям с гипертрофированным тщеславием страшно приступать к тому, что они не опробовали предварительно. Вдруг не выйдет, и они уронят свой авторитет в глазах остальных детей? Нормальный ребенок и думать не станет наперед, получится у него или нет. Его увлечет дело. Ведь малышей, которые роются песке, не волнует, выроют они что-нибудь или нет. Им нравится сам процесс.

Недавно к нам пришли два брата, одному пять, другому четыре года. «Вельветовые» мальчики, в «фирменных» бутсах — смотреть по одежке, должны бы быть самоуверенными, хвастливыми. Возят мальчиков на машине, одеты они «с иголочки», мама очень бойкая, с ходу рассказала мне про мужа, про мечты — совместить материальное и духовное; вполне трезво объяснила причину «запущенности» детей: очень любит она мужа, он у нее на первом месте, а дети — на втором. Мало им читает, мало бывает с ними, хотя сидит дома. (Позже выяснилось, что они ходят в детский сад — то ли для освобождения мамы на радость папе, то ли для приучения к дисциплине.) «Взрослые, я считаю, имеют право на свою личную жизнь»,— заявила мама «вельветовых братьев». Четкая, циничная, волевая дама, пора сомнений ушла в далекое прошлое. Ну, а каковы мальчики? Унаследовали они мамины черты?

А мальчики не переносят никаких трудностей. Они теряются, когда им задаешь обычный вопрос. Словно с ними никогда прежде не разговаривали. Они не могут выстроить домика из кубиков, не могут размять пластилин, они абсолютно беспомощны. Чуть что — глаза на мокром месте. Отщипнут кусочек пластилина и смотрят на меня, приоткрыв рот.

Наконец, после долгих мытарств сами, без моей помощи, слепили по козлику из сказки. Изнылись, но сделали. Я сидела между горемычными братьями, диктовала им каждое движение, мужественно не прикасаясь к их работам. Стоило отвлечься на других детей — и мальчики застывали с открытыми ртами. Как им трудно! Им уже трудно жить. Они еще не думают, как их

мама, о «гармонии между материальным и духовным», они просто плачут по каждому пустяку.

А мама довольна:

— Неужели они сами слепили этих козликов? Просто не верится! Как живые! Можно оставить это у вас?

Ей, при машине, лень было брать с собой наши достижения. А ведь многие родители возят детей с другого конца города и не оставляют у меня ни пластилина, ни коробок с «готовой продукцией». Они этим дорожат. Не всегда понимая смысл работ, они ценят труд своих детей, они дорожат их любовью к занятиям.

Забитые дети, запущенные дети — это еще не плохие дети. Они-то прекрасно отличают добро от зла, красоту от уродства, любовь от нелюбви, безразличия. Но они окружены взрослыми, у которых нравственные нормы размыты, а иногда и вовсе отсутствуют. Детям помочь можно. Любовь, искренность, терпение — и они летят к тебе, как мотыльки на свет. Даже стыдно бывает за столь легко добытое расположение. Но стоит ли обольщаться? Что может дать час занятий в неделю, да притом не один на один, а в группе?

Маму «вельветовых» мне не изменить. Она человек сложившихся взглядов. А вот детям можно бы помочь. Если только маме в один прекрасный день не придет в голову, что все это ни к чему.

Как это случилось с папой Насти-молчуньи и еще с одним трудновоспитуемым» папой, папой Данека.

А КАКИМ ВЫ БЫЛИ РЕБЕНКОМ?

Данек — красавец: крупные каштановые кудри до плеч, продолговатые карие глаза с длиннющими ресницами. А в глазах этих, под дрожащими ресницами,— мировая тоска.

— А я не умею лепи-ить, а я хочу к папи-и…— повторяет мальчик на каждом занятии. Чем только я его не занимала! И куклы из кукольного театра приходили на помощь, и всяческие фокусы-мокусы с пластилином. Ничего не помогало. На другие занятия он вообще не ходил, а у меня ныл и мешал детям.

Папу Данека беспокоило только одно — его некоммуникабельность.

— А каким вы были ребенком? — спросила я папу.

— И не спрашивайте! Я был жутким занудой. Знаете, как меня в детстве кормили? Мама носила меня на руках по лестнице, а папа шел за нами с ложкой каши наготове. Я открывал рот ровно на десятой ступеньке, и счастливый папа всовывал мне в рот ложку каши. И ничего, вырос. К тому же мы возлагаем большие надежды на женины гены. Она полная противоположность мне, видите, ее сын ноет, а она улыбается.

— Второй ребенок будет похож на вашу жену,— утешила я его.

— Этого я не переживу,— сказал папа Данека, потрепав сына, за подбородок.— Если шесть человек не справляются с одним ребенком…

— Шесть человек?

— Две бабушки, два дедушки и мы с женой,— мрачно ухмыльнулся папа Данека.— Мы так загорелись, узнав о вашей студии, да, видно, зря.

Говорю с папой, а слышу голос сына: тоскливая интонация, внутренняя паника и абсолютное отсутствие терпения.

— Но ведь и месяца не прошло. Многие дети трудно привыкают к новой обстановке…

— Нет. Спасибо вам, но Данека я заберу. Зачем зря мучить мальчика.

Распрощавшись с Данеком и его родителями, я издали наблюдаю, как двое взрослых пытаются одеть одного ребенка. Данек извивается, бьет по высокой тумбе ногами. Родители специально водрузили его туда — там ему трудней увильнуть от неприятной процедуры. Это напоминает только что рассказанный Данекиным папой эпизод с кормежкой. Преемственность поколений!

— Не крутись! Ты вспотеешь и простудишься в этой чертовой| школе! — доносится голос Данекиного папы.

И я вдруг испытываю радость оттого, что этого ребенка больше не будет на моих занятиях. Мне искренне хотелось заинтересовать его лепкой, помочь ему обрести хоть малую самостоятельность, часто даже в ущерб другим детям. Это тот случай, когда я оказалась бессильной. Однако это вовсе не означает, что Данек станет копией своего отца. Жизнь иногда вытворяет с нами такие штуки…

УГОЛ ЗРЕНИЯ

— Ты с мотором?

— Да.

— Я тоже с мотором.

(Из разговора в классе)

Увы, мало кто из взрослых с детским мотором, мало кто способен смотреть на мир непредвзятым взглядом. Дети не судят, не выносят никому и ничему приговора. Вся их энергия направлена на познание мира, который для них еще не расчленен. Не расчленено время — оно отсчитывается по событиям.

— У меня бывает день рождения, когда приезжает бабушка.

Многие один день считают за два — до дневного сна и после.

У них свое представление о пространстве:

— Рома, надо иметь предел. Космос и то с каким-то пределом.

Они по-своему понимают расстояние:

— Я за один километр сижу. Это близко, к вашему сведению.

— Два километра, у-у-у! Всю ночь идти.

Они думают, что, чем больше ешь, тем больше станешь.

— Был большой, а потом унизился, потому что мало каши ел.

— Если б муравьи все на свете ели, они бы были огромными.

Они надеются на то, что подрастут и смогут летать. Летают же мошки, птицы:

— А я, между прочим, как в школу пойду, так и залетаю.

Они не знают, как рождаются люди:

— Как же ты родилась без мамы? Трудно тебе было?

— Да. Я все сама делала.

Поэтому они равнодушно относятся к смерти, ведь сам цикл жизни, имеющий начало и конец, им неведом:

— А мне весело. Где музыку услышу, туда и бегу смотреть похороны.

Они еще не знают, что слова имеют переносный смысл, и все понимают буквально:

— У меня в книжке написано, что на краю земли находится север. Значит, у земли есть край.

— Ты что, не знаешь, что такое форма? Форма — это пиджак.

Потому-то они с необыкновенной легкостью и непосредственностью сыплют неологизмами, изобретают новые:

— Один раз лепну и больше не буду.

— Сколько нашло муравьев, они все в молоках лазали.

— Я так летела, так летела, только пятна сверкали.

— У нас такой неразборчивый дом, что не поймешь, кто где живет. Вот у нас есть Блинов, он пришел на день рождения, съел варенье, и зуб в варенье упал.

— Я видел на канале следоход.

— Был такой цирковой клоун, что он даже на торкалку лез и с велосипеда падал.

— Были такие люди — Го и Мо, и они нам прислали гоголь-моголь.

Они поражают нас не только неожиданными вопросами, но и своими находчивыми ответами на них:

— Как ты думаешь, мамы говорят своим малышам: «Не плачь, а то слеза у тебя на щеке застынет»? Если даже они пугают, то я знаю ответ для малышей: «Засуньтесь этой щекой в теплую воду».

— Отчего у ребенка ноги кривые? Оттого у него ноги кривые, что у мамы кривые, а ноги ребенка в ее ногах.

Как-то мы с сыном собирали ягоды в лесу. Я сидела на корточках в черничнике, а сынишка стоял рядом и был вровень со мной. И тогда меня «осенила» простая догадка: вот с какого уровня дети видят мир.

Что же они видят? В городе — асфальт, ботинки, брюки, туфли и вдруг среди этого ботиночно-туфельного мира — пуговица. Яркая, еще не покрытая пылью, пуговица лежит на самом виду, и никто, кроме малыша, ее не увидел. А бархатистые листочки декоративных кустарников, высаженных вдоль шоссе! Отвернитесь — и ребенок сорвет листок и попробует его на вкус. Горький.

Какое раздолье ребенку на природе. Экстаз собирания грибов — кстати, дети находят грибы лучше взрослых. А жучки-червячки! Вот ползет жук с блестящей спинкой. Шевелит усами. Это не насекомое из семейства жесткокрылых, а единственное, неповторимое, ползучее существо. А чудо-бабочки и улитки на одном листе?

Взрослые находятся на одной территории с детьми, но едва ли они видят сотую часть того, что их дети. А уж детское счастье открытия по своей интенсивности несравнимо ни с одним взрослым чувством. Недаром это остается в памяти навсегда. Хотя бы как факт.

Ребенок каждый день живет наново, как впервые. У него, как мы выяснили, свои представления о времени, пространстве, о добре и зле. Он как бы играет с нами в игру «горячо-холодно». Он тянется к теплу и бежит от холода и равнодушия. Он мал, но его интенсивная, неукротимая энергия познания тормошит нас, взрослых, будоражит от сна, он дает нам возможность прожить новую жизнь, и, если мы в силах это сделать, мы не нанесем ему урона, не притесним его свободу.